РОССІЙСКІЙ ѲЕАТРЪ

или

Полное собранїе

всѣхъ

Россїйскихъ Ѳеатральныхъ

сочиненїй.

Часть XVIII.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академїи Наукъ,

1788 года.

О П Е Р Ы.

АЛЬЦЕСТА

ОПЕРА.

1764 года.

Стихотворство Г. Сумарокова.

Музыка Г. Раупаха.

Театральныя украшенїя Г. Франциска Градиццїя, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА перваго Живописца, Архитектора и Театральнаго Инженїера.

При исправленїи красками Живописцъ двора ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Г. Θирсовъ.

Дѣйствующія лица:

АДМЕТЪ, Царь феры. *Дмитрій Бортнянскій.*

АЛЬЦЕСТА, супруга его. *Семенъ Соколовскій.*

ГЕРКУЛЕСЪ. *Иванъ Сичевскій.*

МЕНИСА, Наперсница Альцестина. *Андрей Трубѣевскій.*

КЕДАРХЪ, НаперсникЪ АдметовЪ. *Власъ Трояновъ.*

СИНОРЪ, НаперсникЪ ГеркулесовЪ. *Иванъ Оробѣевскій.*

ПЛУТОНЪ. *Ѳедоръ Ладунка.*

ПРОЗЕРПИНА. *Данило Носаченко.*

ФУРІИ и ПАРКИ.

Придворные пѣвчіе.

АЛЬЦЕСТА

ОПЕРА.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ храмъ Аполлоновъ и площадь. Альцеста изъ храма съ народомъ на площадь выходитъ.

АЛЬЦЕСТА, МЕНИСА,
и нѣсколько знатнаго народа.

МЕНИСА.

Уже себя теперь нещастливой не числи;
Скончалися твои погибельныя мысли,
Ты слышала ответъ,
Что Царь Адметъ,

На свѣтѣ семъ оставленъ,
Отъ смерти онъ избавленъ;
Напасть твоя тебѣ была ужасный сонъ,
Великій Аполлонъ,
То сдѣлалъ черезъ Паркъ, что наша грусть
преходитъ,
Другова онъ приводитъ,
Умрети за нево,
Умрети волею за щастіе народно,
Не будетъ то безплодно,
Здѣсь сей нашъ Царь любимъ и болѣе всево.

АЛЬЦЕСТА.

Боги щастье вознесите,
Въ коемъ нынѣ я живу,
И Адмета вы сласите,
Васъ я къ ломощи зову.

АЛЬЦЕСТА и ХОРЪ.

Наши казни строги;
Отвратите Боги,
Прелютѣйшій часъ,
Бѣдствія отъ насъ!

МЕ-

МЕНИСА.

Надежда наша утвержденна,
Судьбина лютая Альцесты побѣжденна,
И сняты бремена,
Которыя на насъ взложили времена.

АЛЬЦЕСТА.

Боги щастье вознесите,
Въ коемъ нынѣ я живу,
И Адмета вы сласите,
Васъ я къ ломощи зову.

АЛЬЦЕСТА и ХОРЪ.

Наши казни строги!
Отвратите Боги,
Прелютѣйшій часъ,
Бѣдствія отъ насъ!

АЛЬЦЕСТА.

Тревожный день Альцестѣ зримой,
Въ стенаніи, въ слезахъ,
Надежда малая и величайшій страхъ!
О день нещастія и муки несперпимой!
Скончай безъ люпости теченіе свое!
Сокройся утоливъ мученіе мое!

О солнце погрузи бѣды мои съ собою,
И въ морѣ потопи несносные часы:
Взойди обратно къ намъ ты съ щедрою судьбою:
Чтобъ зрѣла я безъ слезъ лучей твоихъ красы!

МЕНИСА.

Которы на тебя такъ сильно воружались,
Надѣйся, ты, что тѣ напасти миновались,
Жестокости свои сердитый рокъ унесъ.
Отри потоки слезъ.

Подвластна прежней ставъ судьбинѣ,
Слокой смятенно сердце нынѣ,
Живи какъ прежде ты жила,
И такъ ты будь, какъ ты была.

Сей день нещастливымъ не числи,
Веселїе возобнови,
Войди въ свои дражайши мысли,
И тай въ пріятнѣйшей любви.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЪ и КЕДАРХЪ.

КЕДАРХЪ.

Приди ко своему Царица ты супругу,
КЪ любовнику и другу,
О жершвованїи внять смерши злой молву.
Я именемъ Царя кЪ нему тебя зову.

Сему грозящи граду,
Скончайтеся бѣды,
Погибните вреды,
Дай небо намъ отраду!

Судьбина прогони,
Душевное ненастье,
И отвративъ нещастье,
Дай радостные дни!

ЯВЛЕНІЕ III.

АЛЬЦЕСТА *одна.*

АЛЬЦЕСТА.

Никто тебя не избавляетъ,
Народъ твой весь тебя умрети оставляетъ,
Отецъ

Отецъ твой въ старости, и мать въ исходѣ лѣтъ,
И любятъ хоть тебя, но больше любятъ свѣтъ,
Остатка дней своихъ тебѣ не посвящаютъ,
Родительской любви въ сердцахъ не ощущаютъ.
Любезный мой супругъ!
Нещастье, вдругъ
Всѣ радости мои отъемлетъ,
И небо моево рыданія не внемлетъ.
Терзайся сердце ты,
И младости моей увяньте всѣ цвѣты.
О сердце! коль ты страстно,
Толико и нещастно!
Я больше не хочу имѣти красоты.
На что она мнѣ болѣ?
Когда спрягалась я съ тобой,
Я мнила о тебѣ не о твоемъ престолѣ,
Души своей покой,
Въ тебѣ одномъ имѣла,
Не тѣмъ гордилась я, что Царь супругъ былъ мой,
И что владѣя съ нимъ на тронѣ я сидѣла,
Но что возлюбленнымъ Адметомъ я владѣла;

И

И плачу ни о чемъ,
Какъ только объ одномъ любовникѣ своемъ.

Плачте ломраченны очи,
Лейте токи горькихъ слезъ;
Нѣтъ моей здержать ихъ мочи;
Щастье рокъ мое унесъ.

Смѣхи въ горесть обратились,
Въ люту радости печаль,
Мысли всѣ мои смутились,
Мнѣ самой себя не жаль.

ЯВЛЕНІЕ IV.

АДМЕТЪ и АЛЬЦЕСТА.

АДМЕТЪ.

Сноси тоску, что духъ твой нынѣ огорчаетъ,
И часъ, который насъ на вѣки разлучаетъ.

АЛЬЦЕСТА.

Могу ли я то снесть!
О Боги!
Отъ горести сея едва мя держатъ ноги.
Сего зляй, что на свѣтъ есть!

АД-

АДМЕТЪ.

Не тѣмъ жестока смерть Адмета устрашаетъ,
Что скипетра она и жизни мя лишаетъ,
Не тѣмъ тревожусь я, что душу испущу,
И не о томъ грущу:
Отважности моей едино то мѣшаетъ,
Едино то меня тревожитъ и мятетъ,
Что отъ очей моихъ судьба отъемлетъ свѣтъ:
Влечя отсель во адъ и въ жизнь меня другую,
Отъемлетъ у меня Альцесту дарагую.

АЛЬЦЕСТА.

Тебѣ, дражайшїй, смерть не столько тяжела,
Какъ тяжко стало той отнынѣ жизни бремя,
Которая тебѣ супругою была,
Которая тебѣ, какъ милъ ты ей, мила.
О ты ужасно время!
Какой ударъ даешь ты здѣшней сторонѣ!
Какїя горести вселяешь въ сердце мнѣ!

О чемъ теперь вѣщаю!
Неизреченныя болѣзни ощущаю.

АДМЕТЪ.

Не множь дражайшая страданья моево,
Я истинну тебѣ какъ небу объявляю;
То тяжче мнѣ всево,
Что я тебя въ слезахъ и стонѣ оставляю.

Насталъ моей кончины день,
Смерть люта емлетъ косу въ персты,
Во адъ моя исходитъ тѣнь,
Ужъ вѣчности врата отверсты.

Жалѣй цвѣтущихъ дней своихъ,
Не сѣтуй такъ изнемогая,
Прекрасный свѣтъ очей моихъ,
Не плачь Альцеста дарагая.

* * *

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

АЛЬЦЕСТА *одна.*

Театръ представляетъ Адметовъ садъ.

Мѣста свидѣтели драгихъ ушѣхъ моихъ,
Слезящимъ вы очамъ нещастной:
Стенящу сердцу нѣжно страстной.
Являете однихъ
Соборъ мученій злыхъ!
Всѣ радости мои на вѣки миновались.
Дражайши времена, гдѣ нынѣ вы дѣвались!
Альцеста бѣдная, что сталося съ тобой!
О прелюбезный мой,
Куда прибѣгну я гонимая тоскою,
И гдѣ искать покою?
Куда пристану я стеня!
Нѣтъ больше на земли отрады для меня.
Отчаянье мою стѣсненну грудь терзаетъ;
Разсѣянная мысль во всѣ пути дерзаетъ,
Но тщетно къ помощи бросается она.
О ты вселенная! о горькая страна!

Ни

Ни на единомъ мѣстѣ,
Во всей подсолнечной нѣтъ помощи Альцестѣ.

Вселютѣйшій рокъ!
Мышлю я мятежно,
Рвуся безнадежно:
Какъ ты толь жестокъ!
Горлица страдаетъ,
И вездѣ рыдаетъ,
Друга лотерявъ:
Я драгова трачу,
Ей подобно ставъ:
Ей подобно плачу.

ЯВЛЕНІЕ II.

АЛЬЦЕСТА и МЕНИСА.

МЕНИСА.

Адметъ желаетъ зрѣть любезную свою:
Въ послѣдній можетъ быть онъ разъ тебя увидитъ.

АЛЬЦЕСТА.

Альцеста безъ нево себя возненавидитъ:
Но чаю, что въ своемъ я словѣ устою.

МЕНИСА.

Въ какомъ?

АЛЬЦЕСТА.

Хочу ево отъ смерти я избавить,
И обѣщаюся животъ ему оставить.

МЕНИСА.

Всѣ въ ономъ отреклись.

АЛЬЦЕСТА.

Объ етомъ не пекись;
Люблю ево сердечно.
И за нево умреть сыщу ково конечно.
Я больше зрѣть ево, Мениса, не хочу,
Доколѣ живота ему не возвращу.

МЕНИСА.

Судьбина въ лыланьи,
Любови сея,
Исполни желанья,
Въ надеждѣ ея!

Въ любовной ей страсти,
Подай ты услѣхъ,
И вмѣсто напасти,
Подай тму утѣхъ.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ III.

АДМЕТЪ и МЕНИСА.

АДМЕТЪ.

Скажи мнѣ, гдѣ моя Альцеста предрагая.
При смерши ею лишь одной изнемогая,
О ней одной грущу,
Скажи мнѣ, гдѣ глаза, которыхъ я ищу.

МЕНИСА.

Она теперь пошла отселѣ,
И устремилася въ своемъ успѣти дѣлѣ.
Супруга своего любя,
Пошла ково сыскать умрети за тебя.

АДМЕТЪ.

Какъ сердце моея возлюбленной ни страстно,
Стараніе напрасно:
Напрасно лишь губитъ она свой трудъ стеня;
Не льзя спасти меня.

ЯВЛЕНІЕ IV.

АДМЕТЪ, МЕНИСА и КЕДАРХЪ.

КЕДАРХЪ.

Царица возвѣщаетъ,
Что прежней горести она не ощущаетъ;
Избавленъ ты нашъ царь,
Народу своему оставленъ государь:
Во храмѣ вѣрности передъ тебя предстанетъ,
Который за тебя съ усердіемъ увянетъ.
Приди возрѣть на мѣсто ты сіе,
Возобнови ты щастіе свое,
И въ ономъ мѣстѣ,
Явися къ радости возлюбленной Альцестѣ.

АДМЕТЪ.

Пойдемъ, мнѣ жизнь моя,
Приятна для нея.

ЯВЛЕНІЕ V.

Театръ представляетъ храмъ вѣрности и въ немъ Альцесту.

АДМЕТЪ, АЛЬЦЕСТА, КЕДАРХЪ и МЕНИСА.

АДМЕТЪ.

Что вижу я! судьбы, о какъ вы столько
люты!
О день нещастнѣйшій! ужаснѣйши минуты!
Альцеста! . . небеса! . . о мой смущенный духъ! . .
Народъ! . . мой другъ! . .
О грозны времена! о казни нестерпимы! . .
Твои ли мной красы въ семъ страшномъ
мѣстѣ зримы!
Меня сразила ты, не рокъ меня сразилъ!
О Боги, для чево Альцестѣ такъ я милъ!

ХОРЪ.

АЛЬЦЕСТА.

Жизнь и свѣтъ я презираю,
За тебя я умираю.

АДМЕТЪ.

Всѣхъ страстей любовь вольняе,
И всево въ сердцахъ сильняе.

АДМЕТЪ, АЛЬЦЕСТА, КЕДАРХЪ, МЕНИСА, и ВЕСЬ ХОРЪ ПОТОМЪ.

Веселитъ насъ и терзаетъ,
И на все она дерзаетъ.

АДМЕТЪ.

Во что введенъ Адметъ! или сіе во снѣ!
Какова щастья мнѣ
Альцеста ты искала?
Любѣйшимъ бѣдствомъ ты моимъ себѣ ласкала.

АЛЬЦЕСТА.

Толико вѣрности моей сей знакъ нелживъ,
Колико я тобой возлюбленный пылаю,
Того единаго желаю,
Останься живъ.
Иду на смерть и не страшуся,
Я жизни за тебя лишуся.
Смотри какъ ты любимъ мной былъ;
Достойно ль ты меня любилъ?
Въ послѣдній разъ передъ собою,
Любезну видишь ты свою;

Въ

Въ сей часъ разстануся съ тобою;
Восломнай любовь мою.

АДМЕТЪ.

Коль бѣдства мой совсѣмъ покой уже умчали;
Не буду чувствовать я долго сей печали;
Болѣзнь моя животъ мой скоро сократитъ,
И беспокойствіе въ спокойство превратитъ.

АЛЬЦЕСТА.

Живи возлюбленный ко щастію народа;
На то произвела во свѣтъ тебя природа.

АДМЕТЪ.

Всѣхъ паче мѣръ любя,
Не можно безъ тебя,
Мнѣ долго жить на свѣтѣ.
Ты въ лутчемъ гибнешь цвѣтѣ.
Ты искренность любви и вѣрности храня,
Идешь безъ робости ко гробу для меня.
Полное сердце отравы,
Муть возмущая мой духъ!
Прежнія жизни забавы,
Скроются скоро всѣ вдругъ.

Какъ возложенное бремя,
Можно тебя мнѣ снести?
Кончилось радостей время;
Вѣчно драгая прости.

АЛЬЦЕСТА.

Прости . . умрети я готова.

АДМЕТЪ.

Ни что не можетъ быть сего жесточе слова.
О часъ мучительный! о нестерпимый часъ!
О какъ судьбы вы строги!
Велики боги!
Прогнѣвали мы васъ.

АЛЬЦЕСТА.

Ну любезный оставайся,
И меня не позабудь.

АДМЕТЪ.

Слезъ токъ горькихъ проливайся,
И въ очахъ до смерти будь.

ОБА.

О горесть о мука!
О злая разлука!

Ко-

Колико вы люты,
Плачевнаго времени, страшны минуты!

АЛЬЦЕСТА.

Съ отрадой теперь иду я ко гробу.

АДМЕТЪ.

Нежалостный рокъ терзаетъ утробу.

ОБА.

Исполняется бѣда,
Несказанно огорчаюсь;
Я съ тобою разлучаюсь,
Разстаюся на всегда,
Не увижусь никогда.

* * *

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

Театръ представляетъ садъ Адметовъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АДМЕТЪ *одинъ.*

Плачевный видъ! пустыя въ зелени дороги!
Альцестины уже по васъ не ступятъ ноги.
Ужъ нѣтъ ея,
А съ ней сокрылася драгая жизнь моя.
Судьбы того хотѣли,
А вы прекрасныя мѣста осиротѣли.
Увы!
О птички, ахъ, а вы,
Еще не отлетѣли!
Не пойте пѣсенъ тѣхъ,
Которыя сердцамъ стенящимъ неприятны.
Лишенному утѣхъ,
Едины горести и жалости мнѣ внятны.
Нещастливый Адметъ!
Ни малой у тебя веселости ужъ нѣтъ.
Только лишь отрады,
Я въ тоскѣ ищу:
Помня милы взгляды,
Плачу и грущу.

Злой

Злой подверженъ долѣ,
Мучуся стеня;
Нѣтъ на свѣтѣ болѣ,
Щастья для меня.

ЯВЛЕНІЕ II.

АДМЕТЪ, ГЕРКУЛЕСЪ и СИНОРЪ.

ГЕРКУЛЕСЪ.

Въ плачевнѣйшій я день любезнаго зрю друга.

АДМЕТЪ.

Скончалася моя супруга.

ГЕРКУЛЕСЪ.

Рокъ люшой радости Адметовы унесъ.

АДМЕТЪ.

Великій Геркулесъ,
Прогнѣваны мной Боги.
А ты дражайшій гость войди въ мои чертоги:
Я тамъ тебя почту:
Сыщу спокойствія хотя уже мечту.

Не

Не ставь холодности ты, дружеству досадой.

ГЕРКУЛЕСЪ.

Поди,
И жди.
Съ отрадой,
Отъ друга своево,
Спокойствія всево,
За дружество наградой.

АДМЕТЪ.

Ево,
Ни чьи уже совѣты,
Во всѣ оставшія мнѣ лѣты,
Не возвратятъ,
Любезная моя сошла уже во адъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ГЕРКУЛЕСЪ и СИНОРЪ.

ГЕРКУЛЕСЪ.

И я сойду за нею.

СИНОРЪ.

Съ тобою спорить я не смѣю;
Однако трудности безмѣрныя . . .

ГЕР-

ГЕРКУЛЕСЪ.

Молчи.

СИНОРЪ.

Ступай, тебя не льзя ко страху привлечи.

ГЕРКУЛЕСЪ.

Надѣйся что приду оттолѣ,
Плутона, на престолѣ,
Не устрашуся я,
Доколѣ
Еще сильна рука сія.
Разверзи лесъ гортани лая,
Предвозвѣщай свою бѣду:
Шуми свирѣпый адъ лылая,
Безъ ужаса въ тебя иду.
Что родъ живущихъ устрашаетъ,
Мою то славу украшаетъ:
Пойду къ безсолнечнымъ мѣстамъ,
Вступлю, и все встревожу тамъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СИНОРЪ *одинъ.*

Умножити безсмертну славу,
Нисходитъ Геркулесъ въ Плутонову державу,
Не

Не знаю буду ли сево героя зрѣть!
Но въ дѣйствіи такомъ не стыдно умереть.
Какъ буря воздуваетъ
Пучину въ небеса,
Рветъ съ корня древеса,
Такъ сей герой бываетъ.
Не зная что локой,
Пресильною рукой,
Язвитъ и поражаетъ,
И смерть уничтожаетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Театръ представляетъ адъ.

ПЛУТОНЪ, ПРОЗЕРПИНА, ФУРІИ, ПАРКИ и ГЕРКУЛЕСЪ.

ПЛУТОНЪ.

Кто смертный ты таковъ?
Какую наглость ты, о дерзостный имѣешь,
И какъ ты смѣешь,
Вступить во мрачный адъ, низвергнуться
въ сей ровъ?

Лучъ

Лучъ солнца никогда въ сей пропасти не блещетъ,
Сихъ мѣстъ отъ имени живущихъ родъ трепещетъ,
И отвращается и мыслїю своей,
Предстати на конецъ предъ яростью моей,
А ты отважился прийти живымъ отколѣ,
Узрѣти грознаго Плутона на престолѣ!

ГЕРКУЛЕСЪ.

Великїй ада царь слова мои внемли,
Почто сюда пришелъ сей смертный отъ земли,
Съ поверхности земнаго круга:
Альцеста, вѣрная Адметова супруга,
Во дняхъ цвѣтущихъ лѣтъ,
За мужа въ адъ сошла, оставивъ вѣчно свѣтъ.
Зри добродѣтели души въ прекрасномъ тѣлѣ,
Адмета облегчи,
И изъ нещастнѣйшихъ супруговъ исключи,
Тронися жалостью пусти ея отселѣ!

ПЛУТОНЪ.

Не знаю жалости.

ПРО-

ПРОЗЕРПИНА.

Но знаешь ты любовь,
Которою ко мнѣ твоя вспаленна кровь;
Не дай любовнику толь тягостно крушишься!
Представь какъ тягостно тебѣ меня лишишься.

ПЛУТОНЪ.

За храбрыя дѣла прощаю я тебя.
Ступай на верьхъ земли, и памятуй себя.
Когда еще къ моей отважишся досадѣ,
Доколѣ въ жизни ты, явишь себя во адѣ;
Уже прощенія не жди себѣ тогда.
Бѣги сего ты мѣста:
Альцеста,
Въ жилищи семъ пребудетъ навсегда.

ГЕРКУЛЕСЪ.

Свирѣпствуй сердце грозно,
Раскаешся да лозно,
Мечи свой страшный взглядъ,
Подвигни весь ты адъ.

Бунтуйте вѣтры темны!
Всѣ проласти подземны!
Пускай ты бездна стонъ!
Пылай со всѣхъ сторонъ!

Вини

Вини меня еще шы новою виною:

[Альцестѣ.]

Сшупай со мною.

[Отходитъ съ Альцестою и уводитъ Цербера.]

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПЛУТОНЪ, ПРОЗЕРПИНА, ФУРІИ и ПАРКИ.

ПЛУТОНЪ.

Бесчестїе и срамъ,
Во адѣ намъ.
О тронъ мой и держава!
Затьмилася моя превеличайша слава.

ХОРЪ.

Стени ты адъ теперь;
Изъ области Зевеса,
Рукою Геркулеса,
Въ тебя отверста дверь.

Царя онъ адска трона,
Ко страху возбудилъ,
Сей смертный лобѣдилъ,
Паркъ, Фурїй и Плутона.

В ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ VII.

Театръ представляетъ садъ Адметовъ.

АДМЕТЪ *одинъ.*

Уже свой жизнію нещастный вѣкъ не числь.
О жалостная мысль!
Вездѣ стонаю,
Вездѣ любезную Альцесту вспоминаю.
Противно солнце мнѣ, пріятенъ адскій мракъ!
О предражайшій зракъ!
Убѣжища себѣ отъ горести не знаю.
Почто изображенъ толь живо ты во мнѣ!
Почто лишась тебя владѣю въ сей странѣ!
Сей смертный суетно на тронѣ пребываетъ,
Которой завсегда слезъ токи проливаетъ:
И бѣднымъ можетъ ли онъ слезы утишить,
Когда своихъ очей не можетъ осушить.
Альцеста, я сихъ мѣстъ и свѣта ненавижу!
Вездѣ я мыслію тебя къ мученью вижу!
Я тамъ съ тобой бывалъ,
Я тамъ твои уста и руки цѣловалъ,
Я тамо въ нѣжности ни чѣмъ не огорчался,
Я тамо на всегда съ тобою разлучался.

Пов-

Повсюду я гонимъ люшѣйшею тоской,
Сокрылися мои ушѣхи и покой.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

АДМЕТЪ, КЕДАРХЪ и МЕНИСА.

КЕДАРХЪ.

Торжествованїе, какая намъ отрада,
Которо Геркулесъ збираешся начашь!

МЕНИСА.

Въ часы стенанїя царя, двора и града!

АДМЕТЪ.

Торжествованїе! . . хочу ему смолчашь,
Для дружества сего, которо чшу безмѣрнымъ,
И Геркулесу въ вѣкъ пребуду другомъ вѣрнымъ.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Театръ представляетъ входъ съ крыльцами дома Адметова и предъ домомъ садъ.

ВСѢ.

Геркулесъ нисходитъ изъ палатъ Адметовыхъ предводимъ Кедархомъ и Адметовыми воинами.

ГЕРКУЛЕСЪ.

Сражаясь для тебя сугубо былъ я смѣлъ,
Съ пресильнымъ я врагомъ сраженіе имѣлъ,
И отнялъ у него для вѣрнаго мнѣ друга,
Прекрасну, какова была твоя супруга.
Когда возлюбленной твоей на свѣтѣ нѣтъ,
Съ красавицею сей спрягися ты Адметъ.

АДМЕТЪ.

Ты другомъ больше мнѣ быть вижу не желаешь:
Ко преступленію Адмета посылаешь,
Велишь забыти мнѣ дражайшую мою.

ГЕРКУЛЕСЪ.

Полезныя тебѣ совѣты подаю.
Я образа ея къ безчестью не открою,
Дай слово и сними своей покровъ рукою.

АД-

АДМЕТЪ.

Твой врагъ не для меня тобою побѣжденъ,
Спрягай ея съ инымъ, я плакать осужденъ,
Во всѣ оставленны къ мученїю мнѣ лѣта,
Когда лишилася моя Альцеста свѣта.

ГЕРКУЛЕСЪ.

Такъ ты въ нещастїи до гроба хочешь быть,
И бѣдства своего до смерши не забыть.

АДМЕТЪ.

Доколѣ живъ я буду,
Тебя Алцеста я на часъ не позабуду.
Не знаешь ты теперь какъ стражду я стеня,
И горестныхъ рѣчей не слышишь у меня.
Проникни голосъ мой во мрачную къ ней безну,
И жалобою тамъ прони мою любезну:
Увѣрь дражайшую о вѣрности моей!
О боги! никогда не буду больше съ ней.

ГЕРКУЛЕСЪ.

Совѣтованїя здѣсь дружески невмѣстны.

АДМЕТЪ.

Ни чьи заразы мнѣ ужъ больше не прелестны.

ГЕРКУЛЕСЪ.

[Снявъ покровъ съ Альцесты.]

Взгляни на красоту невѣсты своея.

АДМЕТЪ.

Что вижу я!

ГЕРКУЛЕСЪ.

Достойна ли тебя Адметъ сія невѣста?

АДМЕТЪ.

Алцеста - - -

О тмою радостей наполненны мѣста!
Судьбина преблагая!
Тебя ли очи зрятъ, тебяль моя драгая!
Тебяль мои уста,
Прекрасная цѣлуютъ?
Твоиль я зрю красы?
Твои ли то власы,
Въ которы легкіе зефиры нѣжно дуютъ?
Ты, ты, передомной.
Великій Геркулесъ, не другъ, отецъ ты мой.

АЛЬЦЕСТА.

Псу адску далъ онъ смерть когда извлекъ отолѣ,
Плутона устрашилъ сѣдяща на престолѣ.

АД-

Горчайшу нашу часть въ сладчайшу премѣнилъ,
Меня съ любезнѣйшимъ опять соединилъ.

АДМЕТЪ.

Скажи мнѣ: чѣмъ воздать сію твою щедроту?

ГЕРКУЛЕСЪ.

Во мзду моихъ услугъ,
Будь ты мнѣ вѣчно другъ,
И равну дружеству имѣй служить охоту.

АЛЬЦЕСТА.

Превращай пріятный часъ,
Слезы ты въ утѣхи!

АДМЕТЪ.

Превращай пріятный часъ,
Плачъ въ игры и смѣхи!

ГЕРКУЛЕСЪ.

Превращай пріятный часъ,
Злой судьбы услѣхи!

ВСѢ.

Небо отдаляй отъ насъ,
Щастія ломѣхи!
Превращай пріятный часъ,
Злой судьбы услѣхи!

АЛЬЦЕСТА.

Я твоей сласласъ рукой.

АДМЕТЪ.

Ты мнѣ возвратилъ покой.

ГЕРКУЛЕСЪ.

Вашей я страдалъ тоской.

ВСѢ.

Слало съ насъ претяжко бремя.
О сладчайше жизни время!

АДМЕТЪ.

Подвластный мнѣ народъ хвали сего героя,
Превозноси дѣла преславны до небесъ.
Живи, нещастныхъ ты своей щедротой кроя,
До самыхъ позныхъ лѣтъ, великій Геркулесъ.

ХОРЪ.

Гласъ славы проницай вселенну,
Греми во всѣхъ концахъ земли,
Трубя побѣду намъ явленну.

А ты одно сіе внемли:
Живи герой для пользы свѣта,
Къ безсмертной чести многи лѣта.

КОНЕЦЪ.

ЦЕФАЛЪ
И
ПРОКРИСЪ
ОПЕРА.

ЦЕФАЛЬ

и

ПРОКРИС

ОПЕРА.

Стихотворство Г. Суморокова.

Музыка Г. Арайя.

Театральныя украшенія Г. Валеріяни, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА перьваго Историческаго Живописца и театральной Архитектуры Инженіера.

При исправленіи красками Живописцѣ, Антоній Перезинотти.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

АВРОРА, *Г. Стефанъ Евстаѳіевъ.*

ЕРИХТЕЙ, Царь Аѳинскій, *Г. Стефанъ Ражевскій.* — придворныя пѣвчія.

ПРОКРИСЪ, дочь Еристѳева. *Г. Елисавета Бѣлоградская.*

ЦЕФАЛЪ, Царевичъ Фоциды, *Г. Гаврила Марцинкевичъ.*

МИНОСЪ, Царь Критскій. *Г. Николай Ктиторевъ.*

ТЕСТОРЪ, Вельможа Миносовъ и волшебникъ. *Г. Иванъ Гатищевъ.* — придворныя пѣвчія.

ЦЕФАЛЪ
И
ПРОКРИСЪ
ОПЕРА.

ДѢЙСТВІЕ I.

Театръ представляетъ Минервинъ храмъ, и предъ нимъ площадь.

ЯВЛЕНІЕ I.

МИНОСЪ и ТЕСТОРЪ.

МИНОСЪ.

Я, тесторъ лютое мученїе терплю;
Которую люблю,

За

За всю мою любовь, за все мое страданье,
Меня ввергаетъ та въ несносную напасть,
И умножаючи желанье,
Въ отчаяньи моемъ мою величитъ страсть.
Какую чувствую тоску я люту!
Въ сей день, въ сей часъ, въ сію минуту,
Царевна . . ахъ, на что ея толь милъ мнѣ зракъ!
Моя возлюбленна съ другимъ вступаетъ въ бракъ.

ТЕСТОРЪ.

Прейдутъ супруговъ сихъ утѣхи вскорѣ:
Ты знаешь, сколько милъ совмѣстникъ твой Аврорѣ.
Желанья своего она не пресѣчетъ:
Жестокости любви подвластну,
Любовнику нещастну,
И изъ отчаянья надежду извлечетъ.

МИНОСЪ.

Прежесточайшую мою ты видя муку,
Употреби теперь ты всю свою науку.
Оставшая моя надежда только въ томъ:
Въ тебѣ я зрю ее, а болѣе ни въ комъ.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ II.

ЕРИХТЕЙ, ЦЕФАЛЪ и ПРОКРИСЪ, *выходя ло сочетанїи изъ Минервина храма поютъ съ хоромъ.* МИНОСЪ и ТЕСТОРЪ *молчатъ.*

Прославляйся велегласно
Ты сердецъ любовный жаръ;
Сочетанїе коль страсно,
Въ свѣтѣ лучшїй смертнымъ даръ.
А въ нещастной самой долѣ,
Сочетанье ло неволѣ,
Нестерлимѣйшїй ударъ.
Прославляйся велегласно
Ты сердецъ любовный жаръ.
Сочетанїе коль страсно,
Въ свѣтѣ лучшїй смертнымъ даръ.

ЕРИХТЕЙ.

Въ горячности своей живите неразлучно,
И въ вѣкъ благополучно.

ЦЕФАЛЪ *[Прокрисѣ].*

Люби меня всегда, какъ стала ты любить,
А я тебѣ хочу до гроба вѣренъ быть.

ПРОК-

ПРОКРИСЪ.

И я тебѣ вѣрна до гроба.

ОБА.

О какъ мы щастливы съ тобою оба!

МИНОСЪ.

Вы оба щастливы, нещастна жизнь моя,
И весь сей веселъ градъ, печаленъ только я.
Владѣй моей любезной,
И ралуйся Цефалъ моей ты жизни слезной.
Не льзя мнѣ вобразить веселья твоево,
Подобно какъ тебѣ мученья моево.
Что чувствуешь ты, то довольно знаешь;
Но горестей моихъ не понимаешь.

Тяжкая тому печаль,
Коль кому любезной жаль,
А она о немъ не сожалѣетъ.
Лютая тому наласть,
Кто имѣетъ нѣжну страсть
Къ той, которая къ нему страсти не имѣетъ:
Быть противнымъ и любить,
Коль не льзя возненавидѣть,

И

И въ чужихъ рукахъ то видѣть;
Что никакъ не льзя забыть.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЕРИХТЕЙ, ЦЕФАЛЪ и ПРОКРИСЪ.

ЕРИХТЕЙ.

Кто безъ надежды любовью распалится,
Тотъ волею въ бѣды валится.
Кто щастью своему признаковъ не имѣлъ,
На что тотъ шелъ,
Куда ево одно желанье посылало?
Желанья одново, плѣниши сердце, мало.
Сердца, одна
Взаимна страсть соединяетъ:
Любовь вредна,
Когда не полоняетъ,
На концѣ,
Воюющихъ сердецъ.
Коль мысли несогласны;
Въ исканьи пользы нѣтъ.
А вамъ взаимна страсть ушѣхи подаетъ:
Исканьи ваши были не напрасны.

Кормщикъ веселъ въ кораблѣ:
Своему концу зря бѣгу,
Приближаяся ко брегу,
И касаяся землѣ.

Тотъ преллывъ шумящи воды,
Не страшится ужъ погоды:
И любовникъ веселъ такъ,
Покоривъ любезной зракъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЦЕФАЛЪ и ПРОКРИСЪ.

ЦЕФАЛЪ.

Благополученъ день сей Прокрисъ дарагая!
Любовь сердца спрягая,
Которая зажгла,
Союзомъ вѣчнымъ насъ въ послѣдокъ сопря-
ла.

ХОРЪ.

Любовь сердца спрягая,
Которыя зажгла,
Союзомъ вѣчнымъ васъ въ послѣдокъ со-
прягла.

ВС

ВСѢ.

намъ,
Благополученъ день сей любовь драгая.
имъ,

ПРОКРИСЪ.

Въ тебѣ вся жизнь моя:
Я буду навсегда возлюбленный твоя.

ВСѢ.

Любовь сердца сплягая,
Которыя зажгла,
насъ
Союзомъ вѣчнымъ въ послѣдокъ сопряг-
ихъ ла.
намъ
Благополученъ день сей любовь драгая.
имъ

ЦЕФАЛЪ.

Но средь сихъ радостей, любезна Прокрисъ,
вдругъ
Не знаю отъ чево томиться сталъ мой духъ,
И сердце замираетъ.
Конечно рокъ на насъ напасти простираетъ.
Что предвѣщается моею мнѣ тоской!
Не знаю горести я больше никакой.

Чѣмъ я колеблемъ былъ, то все ужъ утишилось,
И наше все теперь желанье совершилось.
Богиня сей страны,
Открой Минерва нынѣ,
Какой подвластенъ я судьбинѣ,
И къ щастїю ли мнѣ сїи часы даны!

[Двери Минервина храма растворяются, и слышанъ гласъ Минервы.]

Часы сїи вамъ грозны:
Уставили ихъ такъ правители небесъ,
И самъ Зевесъ.
И всѣ мои за васъ уже прошеньи позны.

[Видна молнїя и слышанъ громъ.]

ЦЕФАЛЪ.

Возможно ли то снесть!

ПРОКРИСЪ.

О небо! А во мнѣ еще дыханье есть!
Всѣхъ паче дней, въ сей часъ, тобой Цефалъ я страсна.

ЦЕФАЛЪ.

А ты въ моихъ глазахъ всѣхъ паче дней прекрасна.
Немилосерда вѣсть!

ПРОК-

ПРОКРИСЪ.

О вѣдомость ужасна!

Оба.

О наша жизнь нещастна!

ЦЕФАЛЪ.

О сладкая любовь!
Мы мнили, что уже страсть наша безопасна:
Вспаливши нашу кровь,
Почто ты съ нашею судьбиной несогласна!

ПРОКРИСЪ.

Весь градъ, и мой отецъ пойдетъ въ Зевесовъ храмъ,
И тамъ,
Коль наши прозьбы недоходны,
Когда противны мы судьбамъ,
И наши пламени безсмертнымъ не угодны,
За насъ молитвы принесутъ богамъ.
Ахъ! либо гнѣвъ ихъ и смягчится,
Которымъ такъ нашъ духъ тягчится.
А естьли непремѣнно вамъ
Послать, о боги, казни намъ;
Такъ вы жестокую судьбину
Пошлите на меня едину!

Юпитеръ на меня ты руку вознеси!

ЦЕФАЛЪ.

Карай мя, лишь мою любезную спаси!

ЯВЛЕНІЕ V.

ЦЕФАЛЪ *одинъ.*

Минута страшная, всѣ мысли ты разшибла,
И свѣтлый радостьми сей день
Преобращила въ тѣнь.
Надежда вся погибла.
Я съ самой высоты веселостей своихъ
Паду въ глубокую бѣдъ безну:
Теряю днесь свою любезну,
И съ ней лишаюся я всѣхъ временъ драгихъ.
Неизъясненныя болѣзни ощущаю,
И бѣдства всѣ себѣ я нынѣ предвѣщаю.
Но чѣмъ мой больше духъ смутишь,
И чѣмъ уронъ мой заплатишь!
Когда она изъ глазъ моихъ возмешся,
Все для меня минешся.

Всло-

Вспомнивъ какъ тебя любилъ,
Разлучившися со мною,
Не подумай чтобъ иною
Я до смерти плѣненъ былъ.

Можетъ быть меня забудешь,
Суетно меня любя.
Но забуду ль я тебя!
Въ сердцѣ въ вѣкъ моемъ ты будешь.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЦЕФАЛЪ и ПРОКРИСЪ.

ПРОКРИСЪ.

Все миновалося для насъ,
О мой Цефалъ любезный!
Приближился вѣкъ слезный,
И наступаетъ лютый часъ.

ЦЕФАЛЪ.

Что здѣлалося съ нами?

ПРОКРИСЪ.

Предъ твоими я въ послѣдній разъ очами.

ЦЕФАЛЪ.

Какой мучительной пронзаешь рѣчью слухъ!
Крѣпись мой томный духъ!

ПРОКРИСЪ.

Въ сей часъ разстануся съ тобою:
И ужъ надежды нѣтъ.
Внемли Зевесовъ ты отвѣтъ,
И что предписано нещастнымъ намъ судьбою:
Проститься ты успѣй
Съ любовникомъ своимъ, до бѣдъ своихъ начала,
И больше никакой надежды не имѣй,
Чтобъ отъ сего ты дни съ нимъ жизнь препровождала.

ЦЕФАЛЪ.

Такъ въ самой крайности я горести теперь!

ПРОКРИСЪ.

Мою тоску, Цефалъ, своею ты измѣрь.
О Прокрисъ бѣдная, къ чему ты днесь готова!

ОБА.

О часть сурова!

ПРОК-

ПРОКРИСЪ.

Прости, очей моихъ
Едино утѣшенье,
И сердца моево оставшее мученье.

ЦЕФАЛЪ.

Прости, взоръ глазъ драгихъ,
Всѣхъ думъ моихъ смятенье,
И помни, Прокрисъ, ты со мною разлученье.

Оба.

Не забывай тѣхъ дней,
Которы намъ пріятны были.
Съ какой горячностью другъ друга мы любили!
Прости, и дай мнѣ жить хоть въ памяти своей.
[Цефалъ вихремъ подъемлется на воздухъ, и уносится изъ глазъ.]

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПРОКРИСЪ *одна.*

Что сердце ощущало,
Не однократно мнѣ, но часто предвѣщало.
О рокъ, несносный рокъ,
Колико ты жестокъ!
Немилосердая Аврора,
Лишивъ меня любезна взора,
Довольствуйся теперь мученіемъ ты симъ:
Будь щастлива, нещастіемъ моимъ.

Часть плачевна совершилась:
Мнѣ осталось умереть;
Я тебя, Цефалъ, лишилась,
И не буду больше зрѣть.

Что оставилъ жаръ мнѣ страсти,
О презлололучны дни!
Къ возновленію наластн,
Вспоминанія одни.

* * *

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

Театръ представляетъ прекрасную при горахъ, рощахъ и источникахъ долину.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЦЕФАЛЪ *одинъ.*

Сіи мѣста прекрасны,
Не могутъ моея болѣзни облегчить;
Но пуще грудь мою стремятся отягчить.
Мои всѣ чувства страсны:
Какъ рощи здѣсь шумятъ,
Мнѣ мнится о моей разлукѣ говорятъ:
Когда источники здѣсь льются,
Когда въ брега струи ихъ бьются,
И пастухамъ наводятъ сладкій сонъ,
Мнѣ мнится, что твердятъ они мой тяжкій стонъ.
Какъ Эхо между горъ въ долинахъ раздается,
Мое печально сердце рвется;
Оно твердитъ мой гласъ,
И имя Прокрисы въ минуту много разъ.

Пре-

Прекраснѣйши мѣста, я ПрокрисЪ, ненавижу;
Коль въ нихъ тебя не вижу.
О ПрокрисЪ такъ ли ты стонаешь обомнѣ,
Какъ въ отдаленной сей стонаю я странѣ?
Увы! и ты стонаешь;
Я знаю что и ты о мнѣ воспоминаешь;
Не можешь ты меня забыть:
А не забывъ, меня, не можешь не любить.
Но время можетъ ли тобой то быть забвенно,
Которымъ и твое,
Подобно какъ мое,
Все чувство напоенно!
Разны муки я терплю,
И одну тебя люблю.
Ты осталася во плачѣ;
Только я страдаю плаче.

Очи дарагой моей,
Плаче жизни я своей,
Ваши взоры почитаю,
И въ любви таю!

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ II.

АВРОРА и ЦЕФАЛЪ.

АВРОРА.

Ты вѣдаешь, Цефалъ, какъ я люблю тебя.

ЦЕФАЛЪ.

Ты знаешь сколько рвешь Цефала ты, любя.
Я могъ постигнуть то, что пренесенъ тобою,
Въ сіи Цефалъ мѣста.
Играй моей судьбою.
Твоя богиня красота,
Когда я Прокрисѣ подвластенъ,
Колико ею ни безщастенъ,
Не можетъ больше мя плѣнить;
Я ей намѣренъ вѣренъ быть:
Изъ сердца моево она не истребится,
Доколѣ жизнь моя продлится.

АВРОРА.

Я слышу сей отвѣтъ!
Во мзду своихъ страданій,
И къ удовольствію желаній,
Того ли отъ тебя Аврора ждетъ!

Рушитель моево дражайшаго покою,
Я всякой часъ тоскою,
Вздыханіе губя,
Терзаюсь отъ тебя,
Нетвердою себѣ надеждою лаская,
Всхожу на небеса стенанье испуская,
И со стенаніемъ оттолѣ низхожу:
Отдохновенія и въ ночь не нахожу.
Краснѣюсь, суетно лишившися свободы:
И смертныхъ и боговъ и всей стыжусь природы:
Свидѣтели тому и горы и лѣса,
И рѣки и моря и сами небеса:
Безчестіемъ моимъ исполненна вселенна.
О рокъ, отъ смертнаго безсмертная презрѣнна!

ЦЕФАЛЪ.

Ты не презрѣнна мной,
Но сердце ужъ мое на вѣкъ дано иной.

АВРОРА.

Какъ прекрасна роза въ лѣтѣ,
Превосходитъ всѣ цвѣты,
Такъ всѣхъ щастливяй на свѣтѣ,
Сынъ очамъ подвластенъ ты.

И колико та нещастна,
Кѣмъ душа твоя нестрастна;
Коль ея ты сердцу милъ!
Симъ меня ты лоразилъ.

ЦЕФАЛЪ.

Я всѣхъ нещастняе любовїю твоею;
Кѣмъ толь мой духъ прельщенъ,
Я съ той тобою разлученъ,
Хоть въ склонности ко мнѣ я въ ней успѣхъ имѣю.
Благополучна ли она,
Что ею кровь моя такъ сильно зажжена?
Вотъ Прокрисы отрада,
Что я дражайшаго ея лишился взгляда:
Меня съ ней больше нѣтъ:
Она лишь слезы льетъ.
Я здѣшни жалобой долины наполняю,
Во всѣхъ мѣстахъ о ней воспоминаю,
Вездѣ о ней грущу,
И облегченїя ни въ чемъ ужъ не ищу:
Едва на небеса взираю,
И взоры по землѣ безъ мысли простираю:
Глава валится съ плечь.
Какъ много ты любовь могла меня разжечь!

Естьли

Естьли точно ты то знаешь,
Какъ мою ты грудь терзаешь;
Нѣтъ твоей ко мнѣ любви.

Ты жъ о Прокрисъ дарагая,
Въ разлученьи пребывая,
Мнѣ мила, гдѣ ни живи.

АВРОРА.

Моей ругаясь мукѣ,
Ты только мыслишь о своей разлукѣ.
Не можешь на меня взглянуть,
Ты съ лаской и притворно.
Какъ сердце предъ тобой Авроры ни покорно;
Не можетъ жаръ любви моей тебя пронуть.
Кому не будетъ дивно,
Что я тебя люблю!
Но что слова гублю!
Коль въ сихъ прекрасныхъ быть мѣстахъ тебѣ противно;
Сокройся отъ очей моихъ:
Не будешь красоты ты больше зрѣти въ нихъ.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ III.

АВРОРА *одна.*

Вы вѣтры въ скорости къ Аѳинамъ полетите,
И Критскаго царя къ Авроръ принесите;
Но чтобъ съ нимъ Тесторъ былъ!
Какъ ты любовницѣ, Монархъ его, постылъ,
О томъ я знаю.
Я въ горести моей,
Днесь къ ревности твоей,
И твоего раба къ волшебству прибѣгаю.

[Слышанъ ужасный шумъ вѣтровъ.]

ЯВЛЕНІЕ IV.

АВРОРА, МИНОСЪ и ТЕСТОРЪ.

АВРОРА.

Обѣимъ намъ любовь вредна:
Я мучусь не одна;
Твоя душа подобно плѣнна.
Горячность наша несравненна,
Къ неблагодарнѣйшимъ сердцамъ;
Потщимся разлучить мы съ Прокрисой Цефала.
Употребимъ, къ спокойству намъ,
Все то, что Тестору волшебность даровала.

Когдабъ Цефалъ
Моимъ быть сталъ;
Пресѣклась бы твоя жизнь слезна:
Любила бъ та тебя, кто толь тебѣ любезна.
Покажемъ все ему, что можемъ учинить.
Сіи мѣста теперь потребно премѣнить,
И уподобить ихъ ужаснѣйшей пустынѣ:
Прогонимъ свѣтъ мы прочь:
Преобратимъ день въ ночь.
О нимфы здѣшнихъ мѣстъ не устрашитесь нынѣ,
Когда сіи луга,
И сихъ источниковъ приятные брега,
Обогащенныя отъ винограда горы,
Журчащія струи,
Долины, рощи, всѣ жилищи вамъ сіи,
По предпріятію отчаянной Авроры,
На нѣсколько минутъ
Преобратятся въ край, который взорамъ лютъ!

МИНОСЪ.

Преобрати сіи мѣста прекрасны
Въ пустыни преужасны.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ V.

ТЕСТОРЪ *одинъ.*

Грозныя челюсти адъ растворяй!
Фурїи тьму подавайте скоряй:
Здѣлайте день сей темняе вы нощи,
И премѣните въ дремучїй лѣсъ рощи!
Скройся токъ водъ отъ Цефаловыхъ глазъ,
Горы вы каменемъ станьте въ сей часъ.
Голосъ мой аду вы вихри внушите!
Скоро вы фурїи, скоро спѣшите!

[Театръ премѣняется, и преобращаетъ день въ ночь, а прекрасную лустыню, въ лустыню преужасную.]

Въ престрашной сей странѣ,
Когда на то взираю,
Что я устроеваю,
Трелещетъ духъ во мнѣ.

Безсмертные божатся
Твоею, адъ, рѣкой,
И то прейти боятся,
Въ чемъ клялися тобой.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЦЕФАЛЪ и ТЕСТОРЪ.

ЦЕФАЛЪ.

Ни что не устрашитъ мя болѣ,
Когда со мной любезной нѣтъ;
Хотя сюда весь адъ Аврора призоветъ.
Въ такой презлополучной долѣ,
Мнѣ все равно, что тьма, что свѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

АВРОРА, ЦЕФАЛЪ, МИНОСЪ и ТЕСТОРЪ.

АВРОРА.

Ты здѣсь пребудешь въ вѣкъ, когда ты толь упоренъ.
Не будешь зрѣть меня;
Но будешь жить сшеня
Коль мнѣ ты не покоренъ.
Такъ слезну жизнь имѣй, какъ слезна жизнь моя.
Не думай что съ тобой любовница въ разлукѣ;
Но къ увѣренью, зрѣть, въ какой ты страждешь мукѣ,
И Прокрисъ здѣсь твоя.

ЦЕ-

ЦЕФАЛЪ.

И Прокрисъ здѣсь? Я съ ней готовъ пребыть
здѣсь вѣчно.
Но ахъ чево хочу, любя ее сердечно!

АВРОРА.

Не для житья она сюда пренесена;
Но чтобъ была принуждена,
Подать тебѣ совѣты,
Чтобъ ты щадилъ
Свои младыя лѣты;
И чтобъ ты былъ
Въ веселіи здѣсь купно,
Со мною непреступно.
Велите, нимфы, ей приближиться сюда.

ЦЕФАЛЪ.

Ахъ, лутчебъ я ее не видѣлъ никогда!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

АВРОРА, ЦЕФАЛЪ, ПРОКРИСЪ, МИНОСЪ и ТЕСТОРЪ.

АВРОРА *Прокрисѣ.*

Твоя, а не моя любовь ево приводитъ,
Что въ крайности такія онъ приходитъ,
Коль онъ не для тебя;
Такъ ты ево любя,
Склони ево ко мнѣ, коль жити здѣсь до гроба
И безполезно испускати стонъ,
Не хочетъ онъ.
Разверзется предъ нимъ вся адская утроба.

ПРОКРИСЪ *Аврорѣ.*

Богиня, мнѣль склонять къ другой ево любви!

Цефалу.

Покинь меня, и съ ней ты щастливо живи.

ЦЕФАЛЪ *Прокрисѣ.*

Скончаюсь жизни въ лутчемъ цвѣтѣ;
Но не отдамся въ вѣкъ иной:
Нѣтъ щастья для меня на свѣтѣ;
Когда не будешь ты со мной.

ПРОК-

ПРОКРИСЪ *Авроръ.*

Вели мнѣ въ наказанье,
Что я ему мила,
Чтобъ здѣсь, и я была:
И съ нимъ дѣля твой гнѣвъ, дѣлила и
страданье.

АВРОРА.

Не будетъ вамъ тово!
Утѣхи вашей всѣ любови невозвратны.
Тѣ всѣ мѣста тому приятны,
Въ которыхъ лутчее сокровище ево.

ПРОКРИСЪ: *Смягчи свой гнѣвъ Богиня!*
ЦЕФАЛЪ: *Имѣй Аврора жалость!*
ОБА: *Не разлучай ты насъ!*
АВРОРА: *О жаръ любви!*
МИНОСЪ: *О небо!*
ТЕСТОРЪ: *О проласть!*
ВСѢ: *Нещастныя сердца!*

ЦЕФАЛЪ: *До смерти я ей вѣренъ. Авр:*
ПРОКРИСЪ: *И я вѣрна до гроба. Цеф:*
МИНОСЪ: *Я буду въ вѣкъ стонать.*

АВРОРА: *Не къ лользѣ ваша страсть*
Цеф: и Прокр:
ТЕСТОРЪ: *Вамъ всѣмъ мала надежда.*
ВСѢ: *О несравненна горесть!*

* * *

Конецъ втораго дѣйствїя.

ДѢЙСТВІЕ III.

Театръ представляетъ рощи въ близости города Аѳинъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

МИНОСЪ и ТЕСТОРЪ.

МИНОСЪ.

Мы всѣ пренесены назадъ;
Но должны были всѣ оставити мы градъ.
Какое таинство Минерва показала!
Она сказала:
Я зрѣти не хочу въ стѣнахъ моихъ,
Престрашныхъ таковыхъ
Плачевныхъ приключенїй.
Я вашихъ, о Цефалъ и Прокрисъ! разлученїй
Терпѣти не могу, въ жестокости премѣнъ.
Цари, царевна, князь, изъ сихъ спѣшите стѣнъ:
Спѣшите, удалитесь,
И за Аѳинами въ пустыню преселитесь.

ТЕСТОРЪ.

О тайнахъ мы боговъ не можемъ толковать,
Но будемъ дѣлать то, что должно исполнять:
Тебѣ извѣстно, намъ Аврора повелѣла,
Для окончанія съ ней общаго намъ дѣла,
Чтобъ ревность въ сердце Прокрисѣ вложить,
И ревностью любовь изъ сердца истребить.
О ревность,
Вниди въ нѣжно сердце Прокрисы прекрасной,
И нѣжность ты ея на гордость премѣни,
Взволнуй ея сердце, какъ море волнуетъ,
Ты востань на того, кто ей милъ паче всѣхъ,
Дай ей склониться къ тому, кто противенъ!
Буди несогласна, отъ ревности въ себѣ
Ты Прокрисъ съ Цефаломъ на всегда отъ сихъ дней.

МИНОСЪ.

На сердце полно страстно,
Надежда проглянн:
Жестокія наласти,
Мнѣ въ щастье премѣнн!

Дай

Дай рокъ мнѣ часть другую,
И ахъ, мою драгую,
Ко мнѣ склони!

ЯВЛЕНІЕ II.

МИНОСЪ, ТЕСТОРЪ и ПРОКРИСЪ.

МИНОСЪ.

Ты здѣсь на всѣ мѣста взираешь;
Приятности на нихъ ни гдѣ не избираешь:
Цефала ищешь ты?

ТЕСТОРЪ.

Но гдѣ онъ я не знаю:
А ты милаль ему, о томъ не поминаю.
Конечно для тебя онъ рвепъ въ лугахъ цвѣты.

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРОКРИСЪ *одна.*

Что я ни слышу, все то духъ мой устрашаетъ:
Что я ни думаю, все умъ мой возмущаетъ.

Съ возлюбленнымъ опять я въ сей странѣ;
Но ахъ, Цефалъ невѣренъ мнѣ!
Невѣренъ! . . . можетъ ли то статься!
Куда онъ горестей дѣваться!
Я бѣгаю за нимъ по всѣмъ мѣстамъ стеня;
Во всѣхъ мѣстахъ ево не вижу близъ меня.
Какъ Прокрисъ безъ нево минуты днями числитъ,
И только лишь о немъ единомъ въ свѣтѣ мыслитъ:
Онъ можетъ быть другой
Кленется вѣрностью, какъ клялся предомной:
Она владѣетъ имъ, а я грущу нещастна!
А я все то терплю!
А я еще имъ страстна!
Коль онъ невѣренъ мнѣ; за что ево люблю!

Для чево тебя такъ много,
Я любить осуждена!
И за что тобой такъ строго,
Отъ тебя отлучена?

Позабывъ свои услѣхи,
Ищешъ новыя утѣхи,
Гдѣ Цефалъ, коль Прокрисъ тутъ;
Ты жалѣешь тѣхъ минутъ.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЦЕФАЛЪ и ПРОКРИСЪ.

ПРОКРИСЪ.

Ругайся ты тоской моею,
И презирай мой жаръ,
Коль мнишь, что сносенъ сей ударъ,
Что я увѣрена невѣрностью твоею.

ЦЕФАЛЪ.

Невѣренъ сталъ,
Тебѣ Цефалъ!
Какую мысль о мнѣ дражайшая имѣешь!

ПРОКРИСЪ.

То видно, что въ другой ты днесь любови
тлѣешь.
Дивлюся, что еще со мною говоришь;
Куда лишь я приду, ты прочь оттоль бѣ-
жишь.
Колико безъ тебя рвалася я, страдала!
Тебя мнѣ мнилось я годъ цѣлый не видала.
И вотъ смертельно такъ любя,
Какая плата мнѣ, невѣрный отъ тебя.
Жестокой.. но на что я то тебѣ вѣщаю!
Сержусь, и тужъ любовь, сердяся, ощущаю.

ЦЕ-

ЦЕФАЛЪ.

Такъ знай причину ты отмѣнности моей.

ПРОКРИСЪ.

Отмѣнности твоей!
Ты самъ то признаваешь?

ЦЕФАЛЪ.

Въ незнаньи, въ ревности не такъ ты все примаешь,
Какъ не было уже во храмѣ больше васъ,
Внимай, какой еще я слышалъ тамо гласъ:
Въ сей день отъ Прокрисы какъ можешь удаляйся;
Когда тебѣ мила она:
Иль будь съ ней день, и въ вѣкъ съ ней послѣ не видайся.
Велика ль предъ тобой по семъ моя вина?

ПРОКРИСЪ.

Мнѣ мнится, что Цефалъ со мной не лицемѣритъ;
Да сердце, ахъ! мое еще тому не вѣритъ.

ОБА.

Немилосерда часть!

ЦЕФАЛЪ.

Едина надомной имѣетъ Прокрисъ власть.

Не

Не здѣлаю тебѣ во вѣки я измѣны. . .
Какой пріятный сонъ къ покою мя влечетъ,
И для забвенья бѣдъ,
Чтобъ облегчить мои преутомленны члены,
Мнѣ руку помощи страдающихъ даетъ!
Поди отъ глазъ моихъ; коль хочешь въ нихъ остаться.
[засылаетъ].

ПРОКРИСЪ.

Ково люблю, тово мнѣ должно удаляться!
О слокойный сонъ:
Я локой свой имъ хоть рушу;
Но люблю ево какъ душу:
Повторяй ему мой стонъ,
Воображай какъ милъ мнѣ онъ!

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ V.

ЦЕФАЛЪ *одинъ.*

Престрашное видѣнье!
Терпѣлъ несносное въ забвеньи я мученье:
Звѣрь Прокрисъ разшерзалъ,
Изъ сердца онъ ея дражайшу кровь сосалъ!..
Я слышу межъ кустовъ тамъ нѣкое журчанье;
Тамъ звѣрь: конечно мнѣ открылось предвѣщанье.
Но прежде люшый звѣрь,
Мою сшѣсненну грудь шерзай шеперь.

[Налрягаетъ лукъ и лускаетъ въ кусты стрѣлу].

ПРОКРИСЪ *за Геятромъ.*

Увы!

ЦЕФАЛЪ.

Я слышу голосъ человѣка!
Чьево нечаянно окончилъ дни я вѣка!

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЦЕФАЛЪ и ПРОКРИСЪ.

ПРОКРИСЪ.

[лѣвою рукою захвативъ рану, а правою держа стрѣлу.]

Возлюбленный Цефалъ,
Мои ты дни скончалъ.

ЦЕФАЛЪ.

О боги! Небеса, О Прокрисъ! . . гдѣ я нынѣ!
Какой, увы! какой подверженъ я судьбинѣ!
О варваръ! на ково напрягъ ты злобно лукъ!
Въ ково, ахъ, изъ твоихъ стрѣла летѣла рукъ!
Смотри, жестокой, кѣмъ сія дана ей рана.
Разверзися земля, и поглоти тирана!

ПРОКРИСЪ.

Не причитай ты смерть мою рукѣ своей,
И предавай вину ты ревности моей:
Она меня въ кустахъ скрывала,
И жизнь мою не ты, но ревность окончала.
Прошла теперь она;
Но поздно мысль моя уже просвѣщена.

Мнѣ горько; да не страхъ виною, что страдаю;
Мнѣ горько что въ сей часъ Цефала покидаю.
Прости любезный мой!
Ужъ не увижуся во вѣки я съ тобой.

ЦЕФАЛЪ.

И такъ бы я сраженъ твоею былъ кончиной;
А я еще къ тому сей смерти и причиной!
Не смѣю болѣе на небо я взглянуть!
Грызите фуріи мою грызите грудь!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЦЕФАЛЪ, ПРОКРИСЪ, ЕРИХТЕЙ и ДВА АѲИНЯНИНА.

ЕРИХТЕЙ.

Минерва наши всѣ открыла мнѣ напасти:
Аврора по своей къ Цефалу страсти,
Велѣла Тестору, чтобъ ревность онъ воздвигъ,
И несогласіе произвести межъ вами:
А окончаніе вы вѣдаете сами,

Ко-

Которымъ всѣхъ насъ трехъ свирѣпый рокъ
постигъ.
Царь Критскій убѣжалъ, путемъ отсель
безбѣднымъ,
Съ безвѣстно бывшимъ здѣсь
Волшебникомъ зловреднымъ:
А мы лишаемся тебя о Прокрисъ днесь.
О дочь моя любезна!

ПРОКРИСЪ.

Умѣрьте грусть; ужъ вамъ грусть ваша
безполезна.
Въ послѣдній разъ смотрю на твой я солнце
свѣтъ!

ЕРИХТЕЙ.

Все миновалося: ее ужъ больше нѣтъ.

ЦЕФАЛЪ.

О коль вы люты,
Прежалостны минуты!
Что здѣлалъ я съ собой!
О Прокрисъ, разлучилъ я самъ себя съ тобой!
Терзай мя рокъ злобный,
Рви сердце ты въ части!
Во всѣ ты наласти,
Меня ужъ вовлекъ.

О грозное время! . .
Ахъ! нѣтъ моей мочи . .
Дражайшія очи,
Простите на вѣкъ!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

АВРОРА *нисходитъ съ небесъ.*

ЦЕФАЛЪ и ЕРИХТЕЙ.

АВРОРА.

Вы знайте, что Зевесъ исполнилъ болѣ,
Какъ що Авроринои угодно было волѣ.
О Прокрисѣ должна сама я слезы лить;
Но плачемъ мы ее не можемъ оживить.

ХОРЪ.

Когда любовь полезна,
Пресладостна она;
Но коль любовь та слезна,
Что къ горести дана!

Цефалъ любилъ сердечно,
Равно любимъ онъ былъ,
И разлучился вѣчно
Онъ съ той, ково любилъ.

КОНЕЦЪ ОПЕРЫ.

НОВЫЯ ЛАВРЫ

ПРОЛОГЪ

для представленїя

на

ИМПЕРАТОРСКОМЪ Театрѣ,

при торжествованїи

ТЕЗОИМЕНИТСТВА

ЕЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ВЕЛИЧЕСТВА

по преславной побѣдѣ

одержанной

РОССІЙСКИМЪ ВОЙСКОМЪ

1759 года Августа въ 1 день

при Франкфуртѣ.

Стихотворство Г. Сумарокова.

Баллетъ Г. Гильфердинга.

Музыка въ первыхъ двухъ хорахъ Г. Раупаха. *Музыка баллета и Хора при окончаніи Баллета* Г. Старцера.

Театральныя украшенія изобрѣтенія Г. Валеріяни, *и трудовъ* Г. Перезиноттіи.

Махины Г. Бригонзи *и* Г. Гильфердинга *Машиниста.*

Въ Драммѣ, *Россійскаго Театра придворные Актеры.*

Въ баллетѣ, *придворные Танцовщики.*

Въ Хорахъ, *придворные Пѣвчіе.*

Дѣйствующія лица:

ИСТИННА, Г. Аграфена Дмитревская.

МИНЕРВА, Г. Марья Волкова.

АПОЛЛОНЪ, Г. Иванъ Дмитревскій.

НЕПТУНЪ, Г. Григорій Волковъ.

МАРСЪ, Г. Ѳедоръ Волковъ.

ДРУГІЕ БОГИ.

БАЛЛЕТА.

ПОБѢДА.

РОССІЯНЯ и РОССІЯНКИ.

НОВЫЯ ЛАВРЫ

ПРОЛОГЪ.

Театръ представляетъ Санктпетербургскія рощи, въ которыхъ низшедшіе съ Олимпа и объятые облаками боги бесѣдуютъ, увеселяяся Именемъ и благословенною Державою ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ИСТИННА *держащая Имя ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА,* МИНЕРВА, АПОЛЛОНЪ, НЕПТУНЪ и ДРУГІЕ БОГИ.

ХОРЪ РОССІЯНЕ.

Въ радостной своей судьбинѣ,
Ликовствуй Россія нынѣ;
Щастіе твое цвѣтетъ!
Щедрая ЕЛИСАВЕТЪ!

Какъ тиха ТВОЯ держава;
Такъ громка безсмертна слава.

ИСТИННА.

Благополученъ ты полночный край теперь;
Россія! царствуетъ въ тебѣ ПЕТРОВА Дщерь.
Блаженны вы сея Имперіи границы,
Благословенны дни сея Императрицы;
Подсолнечная вся гремитъ о Ней,
Со славою Ея, со славою моей.
ЕЛИСАВЕТИНО чтятъ имя всѣ народы,
Гласитъ о Ней земля, гласятъ о Ней и воды.
Ликуй и радуйся полночная страна,
Что Вѣнценосица Сія тебѣ дана!

МИНЕРВА.

Подъ Скипетромъ Ея Россія процвѣтаетъ,
Подъ покровительствомъ премудрость возрастаетъ.
Когда я зрю
Въ Науки,
Я радостью горю;

Рос-

Россїя простираетъ руки,
Приемля ихъ,
Въ сокровищахъ моихъ.
Когда я зрю на войски,
Тамъ вижу дѣйствїя геройски.
Во Дщери ПЕТРЪ Своей опять на тронъ возшелъ.
ВЪ ЕЛИСАВЕТѢ всѣ дѣла Свои нашелъ,
И съ Россами пребыть онъ вѣчно предвѣщаетъ:
Исполнится что ПЕТРЪ Великїй обѣщаетъ.

АПОЛЛОНЪ.

Я зрю въ Россїи Геликонъ:
Разорвался въ ней державши разумъ узы,
И обитаютъ музы,
Не зря словесному ученїю препонъ.
Потоки Ипокрены,
Съ твоей, Нева, мѣшаяся волной,
Текутъ Полночною страной!
И орошаютъ днесь твои Петрополь стѣны!
Не тѣмъ ужъ мѣстомъ ты Петрополь нынѣ зримъ,
Гдѣ прежде жили Фины:
На сихъ брегахъ поставленъ древнїй Римъ,
И древнїя Аѳины. Тутъ

Тушъ
Словесныя науки днесь цвѣтутъ.
О ПЕТРЪ! о Ты ЕЛИСАВЕТА!
Пребудутъ Ваши въ вѣкъ на свѣтѣ имена.
Въ коротки времена,
Вы то исполнили ко удивленью свѣта.

НЕПТУНЪ.

На грозныхъ вижу вдругъ валахъ
Россїйскїе народы,
Пренебрегающи морской пучины страхъ,
Ревущи воды,
И бурный вѣтръ,
Отважно бездну роя.
О Дщерь Великаго Героя!
И Ты Великїй ПЕТРЪ!
Вы выше нежель человѣки!
Я вижу Вами то, чего не зрѣлъ во вѣки.

[Слышны трубы и литавры, и приходитъ Марсъ].

МАРСЪ.

Россїя, я тебѣ извѣстїе принесъ,
Что милостїю ты Небесъ,

И

И храбрымъ воинствомъ, враговъ своихъ раз-
шибла,
И вся надежда ихъ погибла.
Внимайте жители сïе бреговъ Невы!
И вы,
О боги,
Содѣлавшïя здѣсь изъ облаковъ чертоги!
Когда насталъ лишь часъ оставить Солнцу
Понтъ,
Предвѣстница его взошла на горизонтъ,
Долины освѣтила,
И горы озлатила:
Противной силы вождь открылся на ко-
нѣ,
И многочисленны за нимъ идущи войски:
Въ Россïйскомъ воинствѣ зажглись сердца
геройски.
То къ правой шествовалъ то къ лѣвой онъ
странѣ:
Онъ вдругъ на семъ крылѣ, онъ вдругъ на
томъ являлся,
Куда воинское искуство тамъ вело,
Смотрѣлъ которое объять ему крыло,
И нападенïе содѣлать устремлялся:
На-

Напалъ на лѣвое и начался пожаръ.
Тогда въ свирѣпствѣ яромъ
Ударъ,
Гонимъ ударомъ,
Въ Россїйскїе полки летятъ,
Изъ преширокихъ нѣдръ селитрой распаленныхъ,
Изъ мѣдныхъ челюстей огнями раскаленныхъ,
Гремитъ ужасный громъ и молнїи блестятъ.
И вскорѣ,
По томъ,
Умножился сей громъ:
Простерлось огненное море,
Изъ мѣлкаго ружья,
Со всѣхъ сторонъ лїя.
Россїянъ лѣвое крыло въ огнѣ стояло,
Изъ грозныхъ облаковъ ихъ смертный дождь кропилъ
И пламя на него отъ трехъ сторонъ зїяло.
Бойницы взяты двѣ, полкъ цѣлый отступилъ.
Твой врагъ тогда побѣдою ласкался,
И къ мѣсту одному всѣмъ войскомъ примыкался.
Россїйско войско все стремилося къ тому,
Чтобъ дать отпоръ ему:
Гдѣ

Гдѣ больше былъ огонь, туда они метались,
И неподвижными среди огня остались.
Начальники Россiйской силы тамъ,
И Полководецъ самъ,
Отважности своей ни чемъ не умѣряли,
И войско ободряли,
Чтобъ жизнь они теряли,
Не думая о ней,
И въ часъ толь нужный сей,
Явили мужество Россiи всей,
И Самодержицѣ своей,
И показали то передъ очами свѣта,
Что робости ни что не можетъ имъ нанесть,
Что только въ мысляхъ ихъ, ЕЛИСАВЕТА,
Отечество и честь.
Сквозь дымъ и пыль и вѣтеръ возмущенный,
Сквозь воздухъ возгущенный,
Я зрѣлъ на облакахъ
Побѣду, и вѣсы въ ея рукахъ,
И оба были равны.
Пришли минуты главны,
Въ которы брань рѣшитъ,
И дѣло совершитъ,

Въ

Въ которы Россы всѣ какъ тигры разъяренны,
Лишь быть могли своей побѣдой усмиренны,
Когда въ Петрополѣ, стояла во слезахъ
Порфирородная Дѣвица,
Великая Императрица,
И вспоможенія искала въ небесахъ.
Исполнила надежда ей обѣты,
Я вдругъ побѣду зрѣлъ,
Со Именемъ ЕЛИСАВЕТЫ,
И крылья простиралъ Россійскій тамъ Орелъ;
Противны вои задрожали
И побѣжали.
Разсыпалися всѣ на разныя пути,
И тщилися одно спасеніе найти.
Собрать и удержать ихъ вождь полки старался,
Но въ сей онъ суетно надеждѣ простирался.
Бѣгутъ
И жизнь одну брегутъ,
Едва надѣяся что Россовъ удалятся:
Знамена ихъ валятся,
И побѣдителямъ въ удѣлъ,
Ко украшенію ихъ дѣлъ,

Зна-

Знамена въ руки предаются,
Огромны пушки остаются,
И брани слѣдуетъ конецъ.
Россїя приими Лавровый ты вѣнецъ.
Пойдемъ безсмертныя на гору мы священну,
Сей день торжествовать,
А вы имѣя мысль о Россы восхищенну,
Начните радостно побѣду воспѣвать.

[Марсъ восходитъ на мѣсто, гдѣ сидятъ боги, и садится съ ними.]

ХОРЪ

РОССІЯНЪ.

Ты Россїя утѣшайся,
Видя толь достойныхъ чадъ;
И побѣдой украшайся!

Веселися ты сей градъ,
Съ Полуночными странами;
Враговъ поверженъ сильно нами!

Во время пѣнїя облака закрываютъ боговъ, а по томъ расходятся и открываютъ Храмъ Славы. Во храмѣ видима сѣдящая Побѣда

съ лавровою вѣтвію и Россіяне собравшіяся торжествовать день сей. Начинается ими балетъ. Россіяне окружаютъ Побѣду. По томъ слышно необыкновенное согласіе Музыки. Является Россійскій на воздухѣ Орелъ. Россіянинъ приемлетъ пламенникъ, и къ себѣ другихъ Россіянъ созываетъ воспѣти благоуханіе. Нисходитъ огнь съ небеси, и предваряетъ предпріятіе ихъ. Орелъ ниспускается и изъ рукъ Побѣды приемлетъ Лавръ. Баллетъ продолжается.

При окончаніи баллета,

ХОРЪ

РОССІЯНЪ.

САМОДЕРЖИЦА народа,
Для того ТЕБѢ природа
Бытіе дала,
И на Тронъ судьбина возвела;
Что бы ТЫ творила славныя дѣла.

КОНЕЦЪ ПРОЛОГА.

ПРИБѢЖИЩЕ
ДОБРОДѢТЕЛИ.

БАЛЛЕТЪ.

Стихотворство и расположенїе драмы Г. Сумарокова.

Музыка Г. Раупаха.

Танцы и основанїе драмы Г. Гильфердинга.

Театральныя украшенїя Г. Перезинотти.

1764 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ДОБРОДѢТЕЛЬ, Г. Елисавета Бѣлоградская.
МИНЕРВА, Г. Шарлотта Шлаковская.

Пѣвицы ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА камермузыки.

ГЕНІЙ ЕВРОПЫ, Г. Иванъ Татищевъ.
ГЕНІЙ АЗІИ, Г. Степанъ Евстаѳіевъ.
ГЕНІЙ АФРИКИ, Г. Степанъ Писаренко.
ГЕНІЙ АМЕРИКИ, Г. Григорей Покасъ.

Придворные ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА лѣтіе.

ЕВРОПЕЕЦЪ, Г. Алексѣй Поповъ.
ЕВРОПЕЯНКА, Г. Елисавета Билау.
АЗІЯТЕЦЪ, Г. Иванъ Дмитревской.
АЗІЯТКА, Г. Аграфена Дмитревская.
АФРИКАНЕЦЪ, Г. Григорій Волковъ.
АФРИКАНКА, Г. Анна Тихонова.
АМЕРИКАНЕЦЪ, Г. Ѳедоръ Волковъ.
АМЕРИКАНКА, Г. Марья Волкова.

Придворные ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Россійскаго Театра Комедіанты.

ВЪ ТАНЦАХЪ.

Придворные ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Танцовщики и Танцовщицы. А Музыка Г. Старцера.

ПРИБѢЖИЩЕ ДОБРОДѢТЕЛИ.

БАЛЛЕТЪ.

ЧАСТЬ I.

Театръ представляетъ чертоги, въ которыхъ видна въ горести сѣдящая Добродѣтель.

ХОРЪ.

Истинны о дщерь прекрасна!
Вся печаль твоя напрасна;

Сыщешь мѣсто ты себѣ.

Во злодѣйство миръ пустился,
Но не весь преобратился,
Жертвуетъ еще тебѣ.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

О ты превратный миръ! ты самъ тому свидѣтель,
Колико стѣснена тобою Добродѣтель.
Уже прибѣжища нигдѣ не вижу я,
Скончалась на земли на вѣки власть моя:
Лишилась истинна великолѣпна вида;
Вездѣ свирѣпости, лукавство и обида,
Убійствіе, татьба, насиліе, разбой,
Неправосудіе, вдовицъ и сирыхъ вой.
Хотя меня уста всемѣстно прославляютъ,
Сердца безъ жалости всемѣстно оставляютъ,
И мнѣ ругаются не чувствуя стыда:
Ожесточилася Европа навсегда.

ЕВРОПЕЯНКА.

Когда рожденіе родитель забываетъ;
Въ тебѣ одной моя надежда пребываетъ:
Отъ-

Отъемлетъ у меня, любезнаго, отецъ,
И радостямъ моимъ онъ дѣлаетъ конецъ.
Стенанья моево онъ болѣе не внемлетъ,
Богатствомъ ослѣпленъ любовника отъемлетъ:
Онъ всѣ на кровь свою свирѣпства устремилъ,
И отдаетъ меня тому, кто мнѣ не милъ.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Одно сїе тебѣ нещастной отвѣчаю:
Хочу тебѣ помочь, но помощи не чаю.
Пойду изобличать мучителя сево:
Но кто послушаетъ закона моево!

[Отходитъ.]

ЕВРОПЕЯНКА.

Источникъ горести и злой моей напасти,
Рушитель пагубный моей спокойной страсти,
Прелютый хищникъ всѣхъ моихъ приятныхъ думъ!
Богатство! весь тобой смущается мой умъ.

ЕВРОПЕЕЦЪ.

Сей день меня съ тобой на вѣки разлучаетъ.

ЕВРОПЕЯНКА.

И наши радости на вѣки окончаетъ.

ЕВРОПЕЕЦЪ.

Мучительный огонь любовничей крови!

ЕВРОПЕЯНКА.

Плачевные плоды нѣжнѣйшїя любви!

ЕВРОПЕЕЦЪ.

Приятны времена всѣ нынѣ вы миновались.
Минуты щастливы, гдѣ нынѣ вы дѣвались!
Почто летаете на мысли вы моей!
О небо, для чево я милъ толико ей!
Почто я милъ тебѣ! почто. . А ты пылая,
Страдай смятенный духъ! О часть моя презлая!

ЕВРОПЕЯНКА.

Не ради щастїя предписано судьбой,
Но для лютѣйшихъ бѣдъ спознаться мнѣ съ тобой.
Не жить, но мучиться, родилися мы оба:
Моя наставша жизнь противняе мнѣ гроба,
Разсѣяла мой умъ и поразила грудь.
О рокъ, отверзи мнѣ скоряе къ смерши путь!

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Преодолѣйтеся, и мысли покорите,
Въ великодушїе страсть нѣжну претворите.

Ко-

Ко злату твой отецъ почтенїе храня,
Что я ни говорю, не слушаетъ меня.

ЕВРОПЕЕЦЪ.

Лишился я тебя.

ЕВРОПЕЯНКА.

И я тебя лишилась.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Страдайте бѣдныя; часть ваша совершилась.
[Европеецъ и Европеянка отходятъ.]
Куда ни погляжу, перемѣнился свѣтъ,
Отецъ супругой дочь богатству отдаетъ!
[Геній приходитъ.]
Скажи ты Геній мнѣ, еще ли мы въ надеждѣ.

ГЕНІЙ.

Европа и теперь злодѣйствуетъ какъ прежде.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Когда прияла здѣсь неправда полну власть,
Пойду въ иную я подсолнечныя часть.
Прости страна, гдѣ я сидѣла на престолѣ,
И гдѣ народъ моей повиновался волѣ:
Простите области, гдѣ жертвенникъ наукъ;
Отколѣ проницалъ вселенну славы звукъ;

Прос-

Прости позорище трула умовъ толикихъ.
Простите гробы всѣ и прахъ мужей великихъ.
Простите вы лѣса, вы горы и луга,
И волны моющи Европины брега.
Простите озера, источники и рѣки.
Не буду зрѣть тебя, Европа! я во вѣки.

ГЕНІЙ.

Тебя отъ нашихъ странъ
Лукавство отсылаетъ,
Неправда здѣсь лыетъ,
Вездѣ у насъ обманъ:
Ты сира здѣсь и нища:
Ищи себѣ жилища.

* * *

Часть II.

Театръ представляетъ чертоги.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Когда подсолнечна была почти пуста,
Благословенныя природою мѣста,
Вы были и тогда народомъ населенны,
И къ жительству людей одни опредѣленны!
Питалище наукъ, въ тебѣ блаженъ былъ вѣкъ,
Въ тебѣ былъ рай, въ тебѣ былъ щастливъ человѣкъ!
Великолѣпіе твое сіяло златомъ,
Луга твои весь годъ покрыты ароматомъ,
Рождаешь ты жемчугъ въ источникахъ своихъ,
Машь злата и сребра и камней дорогихъ!
О мать премудрости, Европу забываю,
Въ тебѣ я, Азія, покрова уповаю!

Здѣсь зефиръ не знаетъ сна,
И о флорѣ не тоскуетъ,
Съ нею завсегда ликуетъ;
Вѣчна царствуетъ весна.

[Геній приходитъ]

Ска-

Скажи, какïе въ сихъ народахъ нынѣ нравы:
Хранится ль истинна? не рушатся ль уставы?

ГЕНІЙ.

Всѣ уставы лали здѣсь,
Месть и злоба тѣ обычны,
Коп аду лишь приличны,
И вездѣ свирѣлство днесь.

АЗІЯТКА.

Куда сокроюся!

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

О чемъ ты такъ стонаешь?

АЗІЯТКА.

О ты, кто ты ни есть, хотя меня не знашь,
Сокрой невинную, нещастную изъ женъ!
Супругъ мой ревностью смертельно ураженъ,
И въ преступленïи не зря меня ни маломъ,
За мною разъяренъ онъ гонится съ кинжаломъ.

[Азïятецъ вбѣгаетъ со слѣдующими ему.]

АЗІЯТЕЦЪ.

Кончай невѣрну жизнь.

ДОБ-

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

[Схвативъ руку ево.]

Постой, постой на часъ,
И добродѣтели внемли прискорбный гласъ!

АЗІЯТЕЦЪ.

Когда невинной мщу; мой рокъ того содѣтель:
Погибни истинна, погибни добродѣтель.

[Добродѣтель отходитъ: Геній остается въ сторонѣ.]

АЗІЯТКА.

[Ставъ на колѣни.]

Умедли казнь мою, и съ жалостью возри,
Умедли, и мою невинность разбери,
Воспомни, что жила вручась тебѣ судьбою,
Въ горячей я любви и въ вѣрности съ тобою.
Воспомни ласки всѣ ты сердца моево:
Къ себѣ мой жаръ ты могъ узрѣть изовсево,
Привычка моея любви не умѣряла,
И нѣжностїю въ томъ всечасно увѣряла.
Превосходилъ мой жаръ изображенье словъ,
И пламень мой къ тебѣ всегда былъ въ сердцѣ новъ:

При-

Пріятностей моихъ не много хоть исчисли,
И ахъ, войди, войди въ свои ты прежни мысли!

АЗІЯТЕЦЪ.

Востань . . тревожится мой весь тобою духъ.
Могу ль любовникъ быть, и быть убійца вдругъ!
Я чувствую въ себѣ неизреченну муку:
О небо отдержи мою отъ казни руку!

АЗІЯТКА.

Уйми пылающей стремленіе крови.
Къ кому ревнуешь ты, достоинъ тотъ любви,
Супруги твоея.

АЗІЯТЕЦЪ.

Еще не отомщаю!

АЗІЯТКА.

Онъ . .

АЗІЯТЕЦЪ.

Ты прими мзду.

[Ударяетъ кинжаломъ.]

АЗІ-

АЗІЯТКА.

Мнѣ братъ.

АЗІЯТЕЦЪ.

Братъ!

[Улускаетъ изъ рукъ кинжалъ].

АЗІЯТКА.

Не ложь вѣщаю.

АЗІЯТЕЦЪ.

Не громъ ли мя разитъ!

АЗІЯТКА.

Пришелъ изъ дальныхъ странъ,
Нападковъ убѣжавъ сокрышься.

АЗІЯТЕЦЪ.

Я тиранъ,
Я варваръ, напоенъ я кровію твоею.

АЗІЯТКА.

Спокойся . . Ну прости.

АЗІЯТЕЦЪ.

Я стражду, каменѣю,
Своихъ лишился всѣхъ на свѣтѣ я отрадъ.
Не надобно тебѣ мнѣ мукъ готовить адъ,

И казни сыскивашь излишно безполезной,
Тверди лишь только то: ужъ нѣтъ твоей любезной.

[Падетъ въ руки обстоящихъ.]

ГЕНІЙ.

О ревность люшая! препагубная страсть!
[Добродѣтель приходитъ.]

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Когда свирѣпству здѣсь дается полна власть;
Пойду отсель я жить въ другія царства свѣта?
Иль буду странствовать во всѣ оставши лѣта.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Есть ли въ свѣтѣ гдѣ нибудь!
Есть ли щастлива держава!

ГЕНІЙ.

Шествуй, Азію забудь!
Шествуй, здѣсь логибла слава!

ОБА.

Гдѣ судъ истинный цвѣтетъ,
Тамо лишь нещастья нѣтъ.

ДОБ-

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Тамъ прямые человѣки.

ГЕНІЙ.

Тамо золотые вѣки.

ОБА.

Тамъ стенаютъ завсегда,
Злыя мысли гдѣ вселятся:
Гдѣ нѣтъ истинѣ вреда,
Тамо люди веселятся.

* * *

ЧАСТЬ III.

Театръ представляетъ пустыню, въ которой видны лесистыя мѣста, каменныя горы и сухой лѣсъ.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Страна, гдѣ солнечныхъ сіяніе лучей
Великолѣпствуетъ въ поверхности твоей,
Свѣтила дневнаго престолъ изображаетъ,
Къ царю небесныхъ тѣлъ почтенье умножаетъ,
Подобно ль истинной горящая страна,
Какъ раскаленнымъ ты лучемъ освѣщена?
[Геній приходитъ.]
Скажи, какіе здѣсь вмѣстилися народы,
Хранится ль здѣсь уставъ всѣмъ данный отъ природы.

ГЕНІЙ.

Край полонъ весь
Здѣсь бѣдъ горчайшихъ.
Жилищи здѣсь
Звѣрей дичайшихъ.

Въ жилищахъ сихъ
И люди злобны,
Во нравахъ ихъ
Звѣрямъ подобны.

АФРИКАНЕЦЪ, АФРИКАНКА и СЛѢДУЮЩІЯ ИМЪ.

АФРИКАНЕЦЪ.

Я страсть мою къ тебѣ преодолѣть хочу,
И очи отъ тебя на вѣки отвращу.
Исполню, что мнѣ долгъ теперь повелѣваетъ;
Предъ разумомъ моимъ любовь ослабѣваетъ.

АФРИКАНКА.

Увы!

ГЕНІЙ.

Какое ты днесь дѣло предпріялъ?

АФРИКАНЕЦЪ.

Продать ее.

ГЕНІЙ.

Продать?

АФРИКАНЕЦЪ.

Ужъ я и слово далъ.

ГЕНІЙ.

Жену свою продать ты варваръ предпріемлешь!

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

И обличенїя ты совѣсти не внемлешь?

АФРИКАНЕЦЪ.

Предписываетъ то убожество мое.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

[Генїю.]

Пойдемъ; мнѣ жалостно позорище сїе.

[Отходитъ.]

АФРИКАНКА.

На то ли стала я, на то ль тебѣ подвластна,
И для сего ли я была тобою страстна?
Не левъ ты и не тигръ, не звѣрь, но человѣкъ,
Супругъ мой, и клялся любить меня во вѣкъ.

АФРИКАНЕЦЪ.

Почто имѣнїе ты столько мнѣ приятно!

АФРИКАНКА.

Стенанїе мое уже ему не внятно!

АФРИКАНЕЦЪ.

Лишаетъ мя мой рокъ, лишаетъ мя жены:
Ступай: и ошъѣзжай въ полночныя страны.

Аф-

АФРИКАНКА.

Когда неколебимъ ты болѣе женою,
Когда ты сжалиться не хочешь надомною;
Пренебрегай меня, то время протекло,
Которое къ очамъ моимъ тебя влекло:
Когда твоя ко мнѣ грудь нѣжность погубила,
Не помни, что тебя, какъ душу я любила,
Не помни болѣе горячности моей,
И мѣста не давай ты вѣрности своей:
Не требую къ себѣ любви я въ сей судьбинѣ;
Воспомяни однихъ моихъ младенцевъ нынѣ,
Воспомяни, что то и плоть и кровь твоя,
И что носила ихъ въ своей утробѣ я!
Ни кто о нихъ имѣть не будетъ попеченья!
И можетъ быть ниже малѣйшаго раченья.
Уничтожай то все, что плачу я стеня;
[Становится на колѣни.]
Надъ ними сжалься ты, для нихъ оставь меня!

АФРИКАНЕЦЪ.

Сей жалобой своей не проницай мнѣ слуха:
Страдай нещастная, и не тревожь мнѣ духа.
Отдайте, кто купилъ, скоряй тому ее,
И принесите мнѣ сокровище мое.

Прости, и отъ меня на вѣки удалися.

АФРИКАНКА.

Я плачу о тебѣ: прости и веселися!

АФРИКАНЕЦЪ.

Не обличай меня ядъ совѣсти вопще!

[Добродѣтель и Геній приходятъ.]

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Тебя о варваръ громъ не поразилъ еще!

АФРИКАНЕЦЪ.

Молчи; отчаянье мое и такъ велико:
На что ни погляжу, все кажется мнѣ дико.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Всево дичае ты.

АФРИКАНЕЦЪ.

Жестоку мнѣ напасть
Незлоба принесла, но къ злату тверда страсть.

[Отходитъ.]

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Вселенна древняя наполненна бѣдами;
Пойду я въ новую пространными водами;

А

А ежели и тамъ я правды не сыщу!
Куда свои стопы направивъ обращу!

Неправда лобѣдила
Пресильно древній свѣтъ,
И злобу въ немъ родила,
Произвести тмы бѣдъ.

ХОРЪ.

Монархи прогоняйте
Неправду лаки въ адъ,
Вражду искореняйте,
Между вамъ данныхъ чадъ.

ГЕНІЙ.

Колико здѣсь сіяетъ
Прекрасна солнца лучъ,
Колико къ намъ зіяетъ
Изъ ада темныхъ тучъ.

ХОРЪ.

Монархи прогоняйте
Неправду лаки въ адъ,
Вражду искореняйте,
Между вамъ данныхъ чадъ.

Оба.

Исчезли корни славы,
Остались имена:
Превратны стали нравы,
Превратны времена.

ХОРЪ.

Монархи прогоняйте
Нелравду лаки въ адъ,
Вражду искореняйте,
Между вамъ данныхъ чадъ.

* * *

ЧАСТЬ IV.

Театръ представляетъ пріятное мѣстоположеніе рощи, луга и источники.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Въ тебѣ, великая подсолнечная нова,
Въ тебѣ вселенная ищу себѣ покрова;
Отъ мира древняго обширностію водъ,
Твой вѣчно отдѣленъ и отдаленъ народъ.
Исполненна ли ты геройска дѣйства славы?
И не испорчены ль въ тебѣ какъ тамо нравы?

При солнечныхъ вратахъ
Народы лоселенны:
Вы жить опредѣленны,
Слокойно въ сихъ мѣстахъ:

Зла ложь не находила
Здѣсь истинѣ враговъ,
И лесть не доходила
До вашихъ береговъ.

[Геній приходитъ.]

Про-

Противна ли здѣсь ложь? безсильствуетъ ли злоба?

ГЕНІЙ.

Увы! разверзлася здѣсь адская утроба.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Лишилась я теперь уже надежды свей!
Скажи мнѣ, горестной вину судьбины всей.

ГЕНІЙ.

Какъ жители пришли сюда другой вселенной,
И нашу здѣлали, пограбивъ злато, плѣнной,
Ввели въ страны сіи они съ собою ложь:
Что дѣлаютъ они, и наши нынѣ тожъ.
Колико Шпанцы вы неправедны и злобны!
Не дикимъ вы звѣрямъ, но фуріямъ подобны!

Миновался здѣсь покой,
Отошли златые вѣки,
Премѣнились человѣки,
Рвутся, мучатся тоской.

АМЕРИКАНЕЦЪ, АМЕРИКАНКА и СЛѢДУЮЩІЯ ИМЪ.

АМЕРИКАНЕЦЪ.

Кончаютъ нашу часть напасти наши люты,
Немногія ужъ намъ осталися минуты,

Другъ

Другъ другу говоритъ, другъ на друга взирать;
Пришелъ часъ казней мнѣ и въ казняхъ умирать.

АМЕРИКАНКА.

Трепещетъ томный духъ, трепещутъ томны ноги:
Скончайте и мою съ ево вы жизнью боги!

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

За что готовишся ты къ казни таковой?

АМЕРИКАНЕЦЪ.

Ни въ чемъ не виненъ я, тиранъ, передъ тобой!
Владѣтелемъ я былъ сего пространна града,
Градъ отнятъ, вся была она моя отрада:
Изъ дома царскаго въ пустыню выгнанъ жить,
И безполезно въ вѣкъ подъ стражею служить.
Тиранъ узрѣвъ ее, и распалився страстью,
Сугубой отягчилъ мя новою напастью:
Стремится, вымысливъ, что злато я таю,
Отъяти съ жизнію любезную мою.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Изъ древня мира сей пришелъ тиранъ?

АМЕ-

АМЕРИКАНЕЦЪ.

Оттолѣ;
Сидитъ ево Монархъ въ Европѣ на престолѣ.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Къ тебѣ, о небеса! я руки возвожу:
Я правды на земли ни гдѣ не нахожу!

[Добродѣтель отходитъ, Геній остается въ сторонѣ.]

АМЕРИКАНЕЦЪ.

Мнѣ сей назначенъ день вкусить жестоки казни;
Когда умру, ко мнѣ не истреби приязни;
Но много ты не рвись, и тщетно не стени,
Лишь нѣжную любовь ты въ сердцѣ сохрани:
Съ умѣренностїю оплачь мою ты долю,
Довольствуйся, что рокъ скончалъ мою неволю:
А я оставшися на памяти твоей,
Предстану въ мужествѣ предъ смертїю моей.

АМЕРИКАНКА.

Когда ты въ мужествѣ любезный умираешь;
Почто ты смерть себѣ поносну избираешь?

АМЕ-

АМЕРИКАНЕЦЪ.

Лишенъ оружія . .

АМЕРИКАНКА *[подавъ ему кинжалъ.]*

Прими послѣдній даръ,
Изъ рукъ любезныя, за свой ко мнѣ ты жаръ.

АМЕРИКАНЕЦЪ.

Прости.

[Кинжалъ вонзаетъ въ грудь себѣ]

Уже тебя на вѣки оставляю.

АМЕРИКАНКА.

[Вырвавъ изъ груди ево кинжалъ:]

Прости.

[Кинжалъ вонзаетъ въ грудь себѣ.]

Люблю ль тебя, я то тебѣ являю.

АМЕРИКАНЕЦЪ.

Ни что не возмогло оковъ любви претерть.

АМЕРИКАНКА.

Съ тобою я жила, съ тобой приемлю смерть.

ГЕНІЙ.

Мучительница ты Европа всей природы:
Безчеловѣчные въ тебѣ живутъ народы.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Несенны зрѣла я любовниковъ тѣла,
Я зрѣла здѣшній свѣтъ и всѣ ево дѣла:
На землю прорвала изъ ада злоба двери,
Вселилася въ людей; и люди стали звѣри.
Не буду на земли я больше ни часа;
Возмите вы меня обратно небеса!

МИНЕРВА ВЪ ОБРАЗѢ РОССІЯНКИ.

Поди къ Монархинѣ ты третіяго свѣта,
Гдѣ щедро царствуетъ теперь ЕЛИСАВЕТА:
Подъ скипетромъ ЕЯ веселія цвѣтутъ:
Найдешь прибѣжище себѣ конечно тутъ.
Я жительница странъ и города Петрова.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Въ послѣдній разъ иду искать себѣ покрова.
Иду въ полночный свѣтъ.

ГЕНІЙ.

На западѣ тма бѣдъ.

МИНЕРВА.

На востокѣ щастья нѣтъ.

ВСѢ.

ВСѢ.

Тамъ гдѣ правды не жалѣли,
Искры совѣсти истлѣли.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Пойду горами водъ.

ГЕНІЙ.

Поди горами водъ.

МИНЕРВА.

Туда, гдѣ щастливъ смертныхъ родъ.

ВСѢ.

Борей не много повреждаетъ,
А правда злобу побѣждаетъ.
Гдѣ смертные не знаютъ бѣдъ,
Нестрашенъ тамо вѣчный ледъ.

МИНЕРВА и ГЕНІЙ.

Поди въ полночный свѣтъ.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

На востокѣ щастья нѣтъ,
На западѣ тма бѣдъ;
Иду въ полночный свѣтъ.

[Отходятъ.]

ЧАСТЬ V.

Во время играніе неотрывно слѣдующей Терцету хоральной музыки, покамѣсть не начнется пѣніе, театръ перемѣняется, и представляетъ великое пространство моря. Добродѣтель приближается ко брегамъ Россіи. Вдругъ море превращается въ пріятное жилище. Является великолѣпное зданіе на седьми столлахъ, знаменуя утвержденіе седьми свободныхъ наукъ, которыя въ державѣ сей употребительны. Россійскій орелъ огражденный толлою Геніевъ въ свѣтлыхъ облакахъ является, и распростертыми крылами изображаетъ наукамъ въ области своей покровительство. Радость и удиленіе владычествуетъ сердцами обитателей, которые восхищенны ревностнымъ усердіемъ и благодарностію устремляются торжествовать сей благополучный день, и въ совершенномъ щастіи веселятся, что жилище ихъ есть Прибѣжище Добродѣтели.

ХОРЪ.

Шествуй Добродѣтель,
Какова Россія, Океянъ свидѣтель,

И внимай въ сей часъ,
Громкій многоустный Океяна гласъ!

МИНЕРВА ЯВЛЯЕТСЯ.

Познай Минерву ты, которая вѣщала,
Въ Америкѣ, тебѣ,
Что сыщешь ты себѣ
Покровъ, который я совѣтомъ обѣщала;
Тебя, ЕЛИСАВЕТЪ,
Съ щедротою объемлетъ,
Народъ священныя твои уставы внемлетъ,
И услаждается тобой Россійскій свѣтъ.

Щастливы дни процвѣтайте,
Въ славной Россіи во вѣкъ,
Радости въ оной летайте,
Праведенъ будь человѣкъ.

Злоба сокройся во адѣ,
Стиксъ, Ахеронъ преплыви,
Къ вѣчной Россіянъ отрадѣ,
Здѣсь добродѣтель живи.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Касаяся бреговъ великія державы,
Великолѣпія исполненной и славы,

Цѣ-

Цѣлую тѣ мѣста, цѣлую воздухъ сей,
Рожденъ въ которыхъ ПЕТРЪ со Дщерію своей.
О царство, коего обширны толь границы!
Я зрю высокій тронъ твоей Императрицы,
И зрю лице Ея, почтеніе храня:
Съ щедротою она взираетъ на меня.

ХОРЪ.

и

начало танцовъ.

Здравствуй о ЕЛИСАВЕТА,
Царствуй нами многи лѣта,
Буди щастлива всегда!

Ты намъ мать, твои мы чада:
Небо дай, чтобъ ей досада
Не коснулась ни когда!

ХОРЪ.

и

окончаніе танцовъ.

Отъ насъ печали удалитесь!
Ликуйте Россы, веселитесь!

Ликуй блаженная страна!

Ищи народъ безсмертной славы:
Чти истинну и добры нравы,
Вседневно въ вѣчны времена!

КОНЕЦЪ БАЛЛЕТА.

ДЕРЕВЕНСКІЙ
ПРАЗДНИКЪ,
ИЛИ
УВѢНЧАННАЯ
ДОБРОДѢТЕЛЬ,
ПАСТУШЕСКАЯ

ДРАМА

СЪ

МУЗЫКОЮ

ВЪ

ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

В. М.

1777 года, въ Москвѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ГОСПОДИНЪ подмосковной деревни

ДРУГОЙ ГОСПОДИНЪ, гость его. [*безъ лѣнія.*

МЕДОРЪ, пастухъ.

НАДЕЖДА, пастушка.

МАТЬ, ея - - - - - *безъ лѣнія.*

СТАРОСТА, деревни. [*безъ лѣнія.*

СТАРОСТА, цыганской.

КРЕСТЬЯНЕ и КРЕСТЬЯНКИ.

Дѣйствіе въ подмосковной.

Представлена въ первой разъ на Московскомъ театрѣ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ рощу, у которой стоитъ ластушій шалашъ, а вдали видна деревня.

МЕДОРЪ *[украшающій шалашъ свой березками и цвѣтами].*

Сего дня у насъ праздникъ и мы праздны, здѣсь будетъ гульбище; прибрать было мнѣ шалашъ свой получше: вотъ ета березка пускай стоитъ тутъ, ету подлѣ ее поставлю съ другой стороны, ета тутъ, а ета здѣсь пусть стоитъ, ета съ етою будутъ по сторонамъ входа; на нихъ пусть висятъ эти пучки цвѣтовъ. Пусть Надежда хотя шалашомъ моимъ полюбуется. Вить даромъ, что она пошла въ городъ съ лукошкомъ

ягодъ, я думаю она сюда къ вечеру будетъ, не ужто тамъ она засмотрится на господскія увеселенія. Намнясь кто-то ей сказывалъ: что будетъ тамъ потѣха. Какая къ чорту потѣха! она умретъ со страху: полетятъ какія-то огненныя змѣи, будутъ на верьху лопать, а изъ нихъ посыплются искры; шово и гляди что глаза выжгутъ. Боюсь я, ежели она тамъ останется смотрѣть етой ужасной забавы, боюсь, чтобъ ее не обожгло. И ну, какъ еще на прекрасномъ лицѣ ея сдѣлаютъ какое пятно чорное? Право я самъ отъ ужаса обмираю. Хотя она ко мнѣ и не очень ласкова, а я все люблю ее какъ душу. Хорошо какъ да пятно-то ей положатъ! ето право не шутка. Ахъ Надежда! ежели бы ты меня такъ жалѣла какъ я тебя.

ПѢСНЬ.

Хоть лукой Надеждой рушу,
Я люблю ее какъ душу,
Хоть она меня бѣжитъ;
Ну, какъ городомъ прельстится,
И сюда не возвратится.
Право духъ во мнѣ дрожитъ.

Го-

Городскія всѣ забавы
Не прійдутъ на наши нравы,
Намъ пріятна простота.
Тамъ уборъ краса въ народѣ,
А у насъ лишь во природѣ
Состоитъ вся красота.

[осматриваетъ по сторонамъ].

Нѣтъ, кажется не она. Я приготовилъ ей вѣнокъ изъ самыхъ цвѣтовъ прекрасныхъ. Да нѣтъ, она ихъ прекраснѣе! примешъ ли еще она его у меня. Я не знаю, для чего она меня всегда стыдится? Лишь заговорю съ нею, она и покраснѣетъ. И чрезъ то еще содѣлается прелестнѣе. Намнясь, какъ я пасъ близко ее мое стадо: она спала подъ тѣнію одного кусточка, я подошелъ было посмотрѣть ее и полюбоваться: прокляпая муха, прилетѣвъ сѣла ей на губу и тѣмъ ее разбудила, она проснувшись погнала отъ меня прочь свое стадо, я никакими словами упросить ее не могъ, чтобъ осталась со мною. Проклятая муха! и еша тварь ее остерегаетъ? Ахъ, на етотъ часъ лучше бы я мухою сдѣлался. Я бы ее не укусилъ,

я бы поцаловалъ ее! Ахъ Надежда! ежели бы ты была только склонна ко мнѣ! Я ужѣ барина просилъ, чтобъ на тебѣ жениться, и онъ мнѣ обѣщалъ, сказавъ: только бы де она за тебя пошла, а то де я неволею не выдамъ, и теперь судьба моя уже не отъ него, но отъ тебя зависитъ. Да полно, кто видалъ, чтобъ дѣвка сказала, что она замужъ хочетъ! Вить наши не городскія. Хотя бы ты ето переняла тамъ.

[олять посматриваетъ.]

Да вотъ, кто-то идетъ отъ города. Ну какъ и ето не она? . . . Боже мой! она! ето Надежда!

ЯВЛЕНІЕ II.

МЕДОРЪ и НАДЕЖДА.

[Она приходитъ, пастухъ радуясь къ ней прибѣгаетъ, а она останавливается и будто хочетъ назадъ итти, но онъ ее удерживаетъ]

Не-

Неужто и въ сей день, въ которой всѣ здѣсь веселятся, ты меня вновь опечалить хочешь. Я умиралъ, боялся, чтобъ ты не осталась въ городѣ до завтра, и праздникъ бы мнѣ безъ тебя былъ не праздникъ.

НАДЕЖДА.

За чѣмъ мнѣ оставаться, и баринъ нашъ сего дня съ гостьми сюда будетъ.

МЕДОРЪ.

Развѣ ты его видѣла?

НАДЕЖДА.

Я у него была.

МЕДОРЪ.

Да не говорилъ ли онъ чего тебѣ обо мнѣ?

[хочетъ лоцаловать].

НАДЕЖДА.

Нѣтъ . . . Пусти меня пожалуй, что ето за шутки?

МЕДОРЪ.

Прекрасная Надежда, ты меня вѣчно мучить опредѣлила!

НАДЕ-

НАДЕЖДА *[вырывая руку, а онъ не пускаетъ.]*

Охъ, чѣмъ я тебя мучу? . . . Не шути пожалуй.

МЕДОРЪ.

Я тебя люблю, а ты меня не любишь.

НАДЕЖДА *[съ негодованіемъ].*

Отвяжись же пожалуй, за что мнѣ тебя не любить? Пусти меня.

МЕДОРЪ.

Изволь, я отпущу твою руку, да побудь же хотя минуту со мною.

НАДЕЖДА.

Едакой неотвязной. Мнѣ право недосугъ, надобно отнести къ матушкѣ деньги, которыя взяла я за ягоды. *[хочетъ итти.]*

МЕДОРЪ *[удерживая.]*

А кто у тебя купилъ ихъ?

НАДЕЖДА.

У меня ихъ купилъ въ саду какой-то баринъ. Да какой же чорной! какъ чортъ сперва мнѣ показался; а какъ онъ съ лица своего

своего снялъ ету заплашу, чорную, то какъ Ангелъ сталъ хорошъ: ихъ тамъ много, только всѣ не хороши: иной такой блѣдной, какъ мертвецъ, другой чорной какъ чортъ, у инаго носъ какъ у журавля. Я не знаю, на что они такія хари на себя надѣваютъ. Можетъ быть они и хороши. Да и женщины-то всѣ въ харяхъ, и будто птицы: на головахъ хохлы, какъ у пиголицъ, и такіе превысокіе, что изъ-за нихъ никому ничего не видно. Сами себѣ смотрѣть мѣшаютъ; да того еще и гляди что глазъ выколютъ. А баринатъ, которой у меня купилъ ягоды, такой ласковой, въ душу вьется: звалъ меня опять въ городъ.

МЕДОРЪ.

Что же, ты и пойдешь?

НАДЕЖДА.

Въ вѣкъ не пойду. Какая же въ немъ духота, какая пыль, скачутъ по улицамъ какъ бѣшеные; чуть было меня не задавили.

МЕДОРЪ *[въ сторону]*.

Уфъ! насилу отдохнулъ. Такъ городъ тебѣ не полюбился?

НА-

НАДЕЖДА.

Я въ деревнѣ здѣсь родилась и въ деревнѣ здѣсь жила,
Мнѣ родимая сторонка будто матушка мила;
Я хожу съ овцами въ полѣ и дою моихъ коровъ,
Мнѣ мѣста пріятны здѣшни, вѣтеръ здѣшней мнѣ здоровъ.
Я влервыя въ городѣ вышла торолилася домой,
Не пойду въ него во вѣки мнѣ онъ кажется тюрьмой.

МЕДОРЪ.

Смотри-ко Надежда, здѣсь то ли дѣло; вмѣсто пыли, какая трава зеленая, вмѣсто духоты, какой пріятной отъ цвѣтовъ запахъ, и вмѣсто тамошнихъ нахмуренныхъ домовъ, какія прекрасныя возвышенія, съ которыхъ льются ручайки прозрачные. Въ любомъ купайся.

НАДЕЖДА.

Прости, пора мнѣ итти домой, да получше снарядишься, вить скоро будешъ сбираться играть короводами.

МЕ-

МЕДОРЪ.

Ты глазамъ моимъ прелестна
Въ чемъ одѣтаб ни была,
Страсть моя тебѣ извѣстна;
Ты Надежда мнѣ мила.

НАДЕЖДА.

Прости, прости, баринъ нашъ сюда будетъ.

МЕДОРЪ.

Подожди пожалуй, я тебѣ къ празднику пригошовилъ подарокъ, я сей часъ его принесу тебѣ, онъ у меня не далеко подъ кустомъ спрятанъ. Да не уходи же.

НАДЕЖДА.

Ну, только поди пожалуй.

МЕДОРЪ *[лошедъ оглядывается на Надежду.]*

Пожалуй же подожди меня.

НАДЕЖДА.

Изволь, изволь.

ЯВЛЕНІЕ III.

НАДЕЖДА.

Что то за подарокъ? да я его принять боюсь. Хотя, сказать правду, Медоръ мнѣ и не противенъ, да какъ ему ето скажешь? Вить мущины какъ мухи на медъ падки: скажи ко ему что любишь, такъ и не отвяжешься, а потомъ и броситъ. Такъ-то бѣдная Флена отдалась Андрею, да послѣ и утираетъ кулакомъ слезы. Ахъ! да они всѣ таковы. И ты Медоръ не лучше.

Представляю я измѣну
И страшуся твоея,
Такъ Андрей любилъ здѣсь Флену
И покинулъ онъ ея.

[Эхо тѣмъ же голосомъ.]

И покинулъ онъ не я.

НАДЕЖДА.

Неужто ето Медоръ отзывается. Да нѣтъ мой другъ, меня не скоро обманешь; я и подарка-та твоего принять боюсь.

Не

Не встревожу я природу,
Я хочу свободна быть,
Я люблю мою свободу,
Буду вѣчно я любить.

[Эхо въ тотъ же голосъ.]

Буду вѣчно я любить.

НАДЕЖДА.

Ахъ, не въ правду ли ужъ это онъ говоритъ? И ежели бы онъ и исполнилъ ето? Я, страшуся вѣрить етому. И хотя бы... Да вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

НАДЕЖДА и МЕДОРЪ.

МЕДОРЪ.

Вотъ Надежда я тебѣ вѣнокъ приготовилъ, какъ же ты въ немъ хороша будешь!

НАДЕЖДА *[вынявъ свой вѣнокъ изъ лукошка].*

На что мнѣ, у меня свой есть, не нада, не нада, оставь у себя его.

МЕДОРЪ.

Инъ помѣняемся.

НАДЕЖДА.

И того таки не хочу, что ето за мѣна?

МЕДОРЪ.

Что ето за причина? Какъ я съ тобою говорю о чемъ нибудь постороннемъ, ты отвѣчаешь мнѣ ласково, а какъ стану говорить о собственномъ своемъ дѣлѣ, ты и слушать не хочешь, стану дарить, ты и подарка не принимаешь. Ахъ Надежда! развѣ свобода моя невозвратима?

Часть пріятнѣйшая года
Возвратилася весна,
Утомленная природа
Возбудилася отъ сна;
Распустилися листочки,
И различные цвѣточки,
Распестрили мягкой лугъ.
Все къ веселію стремится,
Лишь одинъ тобой томится,
Мой Надежда страстный духъ.

Вотъ

Вотъ Надежда, какъ ты меня томишь и мучишь.

НАДЕЖДА.

Томися ты иль не томися,
Меня склонити не стремися,
Услѣхомъ мысль свою не льсти,
Свободна я на вѣкъ прости.

Старайся симъ другихъ прельщати,
Престань локой мой возмущати,
Услѣхомъ мысль свою не льсти.
Свободна я на вѣкъ прости.

МЕДОРЪ.

Жестокая! Или ты не видишь моей къ себѣ искренности, или ты не слышишь тяжкихъ моихъ вздоховъ? Умилися надо мною: теперь только отъ тебя зависитъ мое благополучіе, и баринъ нашъ согласенъ увѣнчать меня съ тобою, только бы ты была на то согласна!

МЕДОРЪ.

Я тобой повсечастно
Рвусь и мучусь стеня,

Я люблю тебя страстно,
Ты не любишь меня.

НАДЕЖДА.

Всѣ вы лолны отравы,
Полнъ обмана вашъ взоръ,
Всѣ мущины лукавы,
Ты мущина Медоръ.

ОБА.

Что вы / мы тигры презлые
Илъ прелютые львы.
Всѣ / Есть мущины такіе
Право / Но не всѣ таковы.

НАДЕЖДА.

Всѣ вы таковы; какъ ищете любви нашей, тогда клянетеся быть вѣрными, и будто невинныхъ птичекъ на приману насъ ловите, а лишь бѣдная птичка въ силки ваши запутается, то ее и въ клѣтку, да вѣкъ въ ней и сиди. Полно, полно Медоръ, не

не прельщай меня ласковыми словами твоими, я обманы ваши знаю.

ОБА

Что вы тигры презлые,
Илъ мы прелютые львы,

Всѣ
Есть мущины такïе.

Право
Но не всѣ таковы.

МЕДОРЪ.

Не щитай меня въ числѣ тѣхъ негодныхъ мущинъ, которые на часъ влюбляются, етотъ обычай въ городѣ. Ахъ Надежда! ты меня прямо не знаешь. Ежели бы ты чувствовала мое мученïе, и ежели бы знала, какъ я тебя люблю: гдѣ я ни бываю, ты всегда въ моихъ мысляхъ, что ни дѣлаю, во всѣхъ моихъ дѣлахъ ты мнѣ представляешься; рву ли цвѣты, во всякомъ цвѣточкѣ ты мнѣ кажешься, играю ли на свирѣли, твой голосъ мнѣ слышится, и сны тебя же мнѣ представляютъ, и представ-

ляютъ иногда склонною. Прекрасная Надежда! ежели бы ето на яву было! когда ты страшишься моея невѣрности! вѣрь мнѣ Надежда, что я вѣчно твой, и ни что меня кромѣ самой тебя, разлучить съ тобою не можетъ. Ты одна для меня родилась.

НАДЕЖДА.

Ахъ Медоръ, Медоръ! ежели бы ето была правда?

МЕДОРЪ.

Чѣмъ мнѣ тебя увѣрить, не знаю; что ты всегда въ моихъ мысляхъ, посмотри на всѣхъ почти здѣшнихъ деревьяхъ имя твое вырѣзано. И что ты въ моемъ сердцѣ, то ежели бы можно было, вскрылъ бы тебѣ грудь мою, ты бы конечно на сердцѣ имя свое напечатано увидѣла.

НАДЕЖДА.

Полно Медоръ, пусти меня, кто-то идетъ! онъ насъ съ тобою увидитъ.

МЕДОРЪ.

Я таки и хочу, чтобъ всѣ видѣли, что я тебя люблю. Мнѣ хочется чтобы

и

и баринъ нашъ когда нибудь меня съ тобою увидѣлъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

МЕДОРЪ, НАДЕЖДА и другой ПАСТУХЪ.

ПАСТУХЪ.

Господинъ нашъ сей часъ пріѣхалъ изъ города съ гостьми. Какая же идетъ пляска, всѣ бабы и дѣвки собраны, да и Цыганы къ намъ будутъ скоро, они подъ нашею деревнею стоятъ въ лугу.

МЕДОРЪ.

Ужъ эти проклятые Цыганы, только что луга наши вытравливаютъ, съ нихъ и салдатчины-то нѣтъ, на бѣлой право землѣ живутъ, что имъ дѣлается. Ничего не работая только нашъ хлѣбъ ядятъ.

ПАСТУХЪ.

Они ворожатъ, и все отгадываютъ: кому на комъ жениться, или, кому за кого замужъ итти, кто кого любитъ. Все какъ въ руку положатъ.

МЕДОРЪ.

Пойдемъ Надежда поскорѣе. Авось они увѣрятъ, что я люблю тебя.

МЕДОРЪ и НАДЕЖДА.

Можетъ быть они увѣрятъ,
что
Что любишь ты меня,
не
И на свой аршинъ измѣрятъ,
Мед: *Что я робусь тобой стеня.*
Над: *Я боюсь ихъ какъ огня.*

ВСѢ ТРОЕ.

Ну пойдемъ, пойдемъ скорѣя,
Тамъ намъ будетъ веселѣя.

МЕДОРЪ и НАДЕЖДА.

Господинъ, мой духъ слокоитъ,
Отъ него сего я жду.
Онъ мнѣ щастїе устроитъ,
Я съ Надеждою иду.

ВСѢ ТРОЕ.

Ну пойдемъ, пойдемъ скорѣя,
Тамъ намъ будетъ веселѣя.

Конецъ втораго дѣйствїя.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ деревню, въ которой на улицѣ всѣ крестьяне и крестьянки, между которыми Господинъ деревни съ гостьми.

ХОРЪ.

Мы живемъ въ щастливой долѣ
Работая всякой часъ,
Жизнь свою проводимъ въ полѣ,
И проводимъ веселясь.

* *

Деревенскія забавы
Веселятъ у насъ сердца,
Не развратны наши нравы
Между нами нѣтъ льстеца.

* *

Хитрецовъ здѣсь нѣтъ зловредныхъ,
Нѣтъ ихъ лагубныхъ сѣтей;
Нѣтъ богатыхъ здѣсь ни бѣдныхъ,
Нѣтъ лодъяческихъ затѣй.

* *

Дьякъ

Дьякъ руки не замаретъ
Заманя къ себѣ въ приказъ:
Все невинность презиретъ,
Нѣтъ бездѣльниковъ у насъ.

ГОСПОДИНЪ *[гостю]*.

Вотъ такъ-то мои подданные веселятся, и когда они веселы, тогда и я доволенъ и веселъ.

ГОСТЬ.

Мои крестьяне такъ же не могутъ сказать, чтобы изнурены мною были.

ГОСПОДИНЪ.

Да въ томъ-то и состоитъ прямое домостроительство, чтобъ крестьяне не разорены были. Вить они такіе же люди: ихъ долгъ, намъ повиноваться и служить исполненіемъ положеннаго на нихъ оброка соразмѣрнаго силамъ ихъ; а нашъ, защищать ихъ отъ всякихъ обидъ; и даже служа Государю и отечеству, за нихъ на войнѣ сражаться и умирать за ихъ спокойствіе Вотъ какая наша съ ними обязанность.

ХОРЪ.

ХОРЪ.

Мы руками работаемъ,
И за долгъ себѣ щитаемъ,
Быть въ работѣ таковой:
Давъ оброкъ съ насъ положенной,
Въ жизни мы живемъ блаженной,
За господской головой.

ГОСПОДИНЪ.

Коль крестьяне мной довольны,
Самъ собой доволенъ я.
Коль они богаты, вольны,
Въ томъ утѣха вся моя.

ХОРЪ.

Мы своей всегда судьбою
Всѣ довольны и тобою:
Лошадей, коровъ, овецъ
Много мы имѣемъ въ полѣ,
И живемъ по нашей волѣ:
Ты намъ баринъ и отецъ.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЖНІЕ и СТАРОСТА.

СТАРОСТА.

Цыгане сударь просятъ позволенія васъ повеселить.

ГОСПОДИНЪ.

Цыгане ?

СТАРОСТА.

Да, сударь, ихъ пришолъ староста.

ГОСПОДИНЪ.

Пусти ево сюда. *[староста отходитъ.]* Хотя бы они только что плясали, и тутъ бы еще мало отъ нихъ пользы было, а то еще народъ обманываютъ, да объѣдаютъ. Сіи плуты какъ пшицы небесныя, ни орютъ ни сѣютъ, а сыты бываютъ; то-то истинные тунеядцы!

ГОСТЬ.

Не одни Цыгане сего названія достойны, ихъ у насъ много: всякъ недѣлающій пользы обществу, есть тунеядецъ, какъ на примѣръ . . Да полно что говоришь, вить

и

и ульи безъ шрутней не бываютъ. Да вотъ и староста ихъ съ твоимъ пришли.

ГОСПОДИНЪ.

Ну господинъ Цыганъ, или лучше сказать, господинъ тунеядецъ, поворожи намъ что нибудь.

ЦЫГАНЪ.

Изволь сударь, баринъ доброй, подайте вашу руку и положите на нее серебра, я вамъ доброе скажу.

ГОСПОДИНЪ.

Да развѣ безъ серебра не льзя?

ЦЫГАНЪ.

У насъ сударь обычай такой, что мы безъ серебра ничего добраго не угадываемъ. Серебро все покажетъ.

ГОСПОДИНЪ.

Ето чуть не правда ли, у насъ прежъ сего и въ приказахъ безъ того ничево не дѣлывали добраго. Право наши приказные такіе же Цыгане; безъ платы хоть ты что, такъ не напишутъ. Ну добро, вотъ тебѣ и деньги.

ЦЫ-

ЦЫГАНЪ.

Вотъ Господинъ доброй, такъ то лучше. Намнясь у меня въ городѣ ворожился одинъ отставной Судья; будетъ ли для него милостивой указъ о разрѣшеніи взятокъ по прежнему, я-бы-де опять къ дѣламъ добился.

ГОСПОДИНЪ.

О! у дѣлъ и себѣ добро дѣлывали, да и вотчины наживали. Что же ты ему сказалъ?

ЦЫГАНЪ.

По тому что онъ мнѣ мало положилъ на руку, то я ему сказалъ, что трудненько етого дожидаться. Такъ онъ говоритъ: что де прибыли, что не будетъ такого разрѣшительнаго указа, вишь де наша братья умные Судьи и безъ него берутъ, и имъ де право съ рукъ сходитъ, да они де и побогатѣе тѣхъ, которые не берутъ, и кто де указа та боится, чтобы не брать, тотъ де прямо изъ-за краснова сукна да по векселямъ въ тюрьму; а нашъ де братъ, хотя и отъ дѣлъ-то отрѣшится, такъ благодаря Бога, какъ баринъ живетъ, и съ покоемъ, и съ имѣ-

имѣнїемъ. Вить того уже не отнимаютъ, кто что нажилъ, а кто прожилъ, тому не даютъ.

ГОСПОДИНЪ.

Тутъ мой другъ наблюдается честь.

ЦЫГАНЪ.

Какая сударь честь, коли нѣчего ѣсть!

Честь на свѣтѣ имя ложно,
Укусить ее не можно,
Съ него вѣкъ не проживешь;
Нужда, холодъ одолѣетъ,
И никто не пожалѣетъ,
Право съ голоду умрёшь.

ГОСПОДИНЪ и съ нимъ Хоръ.

Ты Цыганъ проклятой врёшь.

ГОСПОДИНЪ.

Честь хранящимъ то извѣстно,
Кто живетъ на свѣтѣ честно,
Тотъ въ слокойствїи живетъ.
Пусть бѣды его постигнутъ,
Но души въ немъ не подвигнутъ,
Для него и въ мракѣ свѣтъ.

К ЦЫ-

ЦЫГАНЪ и съ нимъ Хоръ.

Не таковъ баринъ свѣтъ.

ЦЫГАНЪ.

Кто имѣетъ что въ карманѣ,
Тутъ того и басурмане,
У кого же пустъ карманъ,
Ничего на честь не купитъ,
Право голоду устулитъ,
И умретъ межъ Христіянъ.

ГОСПОДИНЪ и съ нимъ Хоръ.

Врѣшь проклятой ты Цыганъ.

ГОСПОДИНЪ.

Разсуждающимъ развратно
Имя чести не понятно,
Имъ пріятна груба лесть.
Можно ль страсти побѣждати,
Кто не смыслитъ разсуждати,
Что прямая въ свѣтѣ честь?

ЦЫГАНЪ и съ нимъ Хоръ.

Баринъ все на свѣтѣ есть.

ГОСПОДИНЪ.

У насъ нынѣ не такое время, чтобъ такъ криво разсуждали; взятки совсѣмъ выводятся, да и судей такихъ мало, которые бы чести своей не хранили. Правда, что въ семьѣ не безъ урода, да и то такъ же правда, что тѣ, которые хранятъ свою честь и не богаты; да что же дѣлать, что они не такъ щастливы, какъ бы имъ быть должно? Ежели бы объ нихъ была извѣстна МУДРАЯ НАША ЗАКОНОДАВИЦА, ОНА бы ихъ конечно наградила. Да та бѣда, что не все до ушей ЕЯ доходитъ, а Государь не сердцевѣдецъ. Да полно объ етомъ болтать. Сказывай, что ты у меня на рукѣ опричь серебра видишь?

ЦЫГАНЪ.

Много скажу тебѣ добраго, ты къ своимъ крестьянамъ добръ . . . и они тебя любятъ . . .

ГОСПОДИНЪ.

Полно, полно. Коли они меня любятъ, такъ я очень доволенъ. *[въ сторону]* Онъ

право все здѣсь выспросилъ. Ну ка ты староста, покажи ему свою руку.

СТАРОСТА *[не хочетъ показывать руки своей.]*

Нѣтъ сударь, у меня рука замарана, на ней ничего добраго господинъ Цыганъ не увидитъ. Да мнѣ же и положить на нее не чего.

ГОСПОДИНЪ *[даетъ деньги.]*

Вотъ я за тебя положу, на, покажи ему руку.

СТАРОСТА *[кажетъ руку съ робостью.]*

Изволь . . . господинъ Цыганъ.

ЦЫГАНЪ *[смотря ему въ глаза и примѣтя его робость.]*

А, а, господинъ староста . . . Ты иногда . . .

СТАРОСТА.

Да, господинъ Цыганъ . . . я иногда . . . и грѣшенъ бываю.

ЦЫГАНЪ *[смотря на руку.]*

И очень бываешь . . . а особливо . . .

СТА-

СТАРОСТА.

Нѣтъ господинъ Цыганъ . . . я особливо ни съ кого не беру, а всѣ крестьяне мнѣ жалуютъ.

ГОСПОДИНЪ.

А, а, плутъ, такъ-то ты управляешь здѣсь. Не даромъ ты руки-то не давалъ. Таково-то не бывать долго въ деревнѣ. Вотъ какіе плуты. Ты служи, а они безъ тебя раззоряютъ. Плутъ, какъ ты смѣешь обирать крестьянъ моихъ, когда я самъ находясь у дѣлъ Государевыхъ никогда не биралъ и не беру? Добро мой другъ, я тебѣ отшибу лапу-то, не станешь ты больше крестьянъ моихъ обирать.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНІЕ, МЕДОРЪ и НАДЕЖДА.

ГОСПОДИНЪ.

А, да вотъ и Медоръ, гдѣ ты былъ?

МЕДОРЪ.

Я сударь убиралъ шалашъ свой, думалъ, что тамъ въ рощѣ гульбище будетъ.

ГОСПОДИНЪ *[гостю.]*

Вотъ дѣтина доброй. Да вотъ и Надежда здѣсь. Что бѣдной, ужѣ ли она къ тебѣ поласковѣе?

МЕДОРЪ.

Нѣтъ сударь, она все думаетъ, что я ее не такъ люблю, какъ я люблю ее въ самомъ дѣлѣ. Милостивой государь, какъ уже вы начали мнѣ благодѣтельствовать, совершите вашу милость; уговорите Надежду за меня замужъ выти, и увѣрьте, что я безъ нее жить не могу.

ГОСПОДИНЪ.

Вотъ и Цыганъ скажетъ правду. Покажи ему свою руку. Ну господинъ Цыганъ, любитъ ли прямо етотъ парень ету дѣвушку. *[тихо]* Скажи, что онъ ее любитъ очень.

ЦЫГАНЪ.

О сударь! онъ ее какъ жизнь свою любитъ.

МЕ-

МЕДОРЪ.

Надежда мнѣ,
Надежда мнѣ жизнь моя,
Надеждою страстенъ я.

* *

Ее во снѣ,
Ее во снѣ вижу я,
Въ Надеждѣ душа моя.

* *

[оборотясь къ Надеждѣ.]

Твой милой взглядъ!
Огонь въ меня лоселилъ,
И кровь мою воспалилъ.

* *

Житью не радъ,
Мнѣ бѣлой свѣтъ сталъ не милъ,
Я самъ себя истомилъ.

* *

Себя люблю,
Я сталъ весь совсѣмъ иной,
Умился надо мной.

* *

Скажи люблю,
Скажи, что ты плѣнна мной,
А я вѣчно буду твой.

ГОСПОДИНЪ.

Прекрасная пастушка; любви достойная! ежели мнѣ повѣришь, я тебѣ сказываю, что бѣдной Медорѣ тобою страждетъ, и я его мученія самъ былъ свидѣтель: онъ у меня просилъ позволенія на тебѣ жениться, но съ какимъ просилъ жаромъ! я ему сказалъ, что неволею тебя за него не выдамъ, онъ бѣдной пошелъ отъ меня заплакавъ. Теперь и я за него прошу тебя, сдѣлай ему сего дня прямой праздникъ, увѣнчай и свою добродѣтель и любовь его, да ни кто печаленъ здѣсь не будетъ, согласись Надежда, онъ истинно тебя любитъ. Позовите сюда мать Надеждину! я уже и ей говорилъ, и она согласна.

НАДЕЖДА.

Ахъ сударь! ежели бы онъ таковъ былъ, какъ вы мнѣ о немъ сказываете. Но мущины обманчивы!

ГОСПОДИНЪ.

Не всѣхъ щитай таковыми, есть и въ насъ люди постоянные.

МЕ-

МЕДОРЪ.

АхЪ сударь! я очень постояненъ, я Надежду полюбилъ на вѣкъ однажды.

Пусть исполненъ обманомъ
Будетъ свѣтъ таковымъ,
Я не буду тираномъ
Вѣкъ Надежда твоимъ.

НАДЕЖДА.

Я Медоръ тебѣ вѣрю,
Но Медоръ я страшусь.

МЕДОРЪ.

Коль телеръ лицемѣрю,
Пусть тебя я лишусь.

Оба.

Пусть исполненъ обманомъ
Будетъ свѣтъ таковымъ,
Над: Ты не будь мнѣ
Мед: Я не буду } *тираномъ.*
Над: Вѣчно будь ты моимъ
Мед: Вѣкъ Надежда твоимъ.

ГОСПОДИНЪ.

Полно Надежда, полно упрямиться и его мучить, онъ право тебя любитъ.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ПРЕЖНІЕ и МАТЬ НАДЕЖДИНА.

ГОСПОДИНЪ.

Да вотъ и мать Надеждина. Старуха, подойди сюда, уговори дочь свою выйти за Медора замужъ, а я за него отвѣчаю, что онъ ее страстно любитъ, и будетъ ей вѣренъ, да и тебя почитать станетъ. Я и на свадьбу вамъ пожалую. Ну, не чего думать.

МАТЬ.

Ну дочь моя, знать пришолъ часъ такой, вить не вѣкъ же въ дѣвкахъ быть. Покрытая хоромина не каплетъ. Подай мнѣ руку.

ГОСПОДИНЪ.

Подай же и ты Медоръ свою.

МЕДОРЪ.

Хотя сударь обѣ извольте!

ГОСПОДИНЪ. *[беретъ руку у Медора и вѣнокъ его, а мать тоже у Надежды руку и вѣнокъ ея, и накладываютъ, Медоровъ вѣнокъ на Надежду, а Надеждинъ на Медора.]*

Увѣнчайтеся любезныя дѣти, ваши добродѣтели сего достойны, и имѣйте во мнѣ

мнѣ такъ какъ и всѣ мои служители отца себѣ.

МЕДОРЪ *[кланяясь]*

Милость ваша превосходитъ мои чувства!

НАДЕЖДА.

Продолжайте сударь ее къ намъ всегда, а мы вѣчно вамъ останемся благодарны. Ахъ! только бы Медоръ мнѣ былъ вѣренъ.

ХОРЪ.

Протекли часы вамъ скучны,
Удалилася бѣда,
Вы отнынѣ не разлучны
Пребывайте на всегда.

МЕДОРЪ и НАДЕЖДА.

Удаляйся время слезно,
Убѣгай печаль отъ насъ,
Что очамъ моимъ любезно,
То со мною всякой часъ.

ХОРЪ.

Протекли часы вамъ скучны и проч.

МЕДОРЪ и НАДЕЖДА.

Сведися сердца и рѵ́ки
Сведимъ своихъ овецъ,
И своей сердечной мѵ́ки
Мы содѣлаемъ конецъ.

ХОРЪ.

ХОРЪ.

Протекли часы вамъ скучны и прот.

МЕДОРЪ и НАДЕЖДА.

Пусть мутятся токи крови
У завистливыхъ людей,
И о нашей здѣсь любви
Воспѣваетъ соловей.

ХОРЪ.

Протекли часы вамъ скучны и прот:

ГОСПОДИНЪ.

Се достойная награда
Пламенѣющихъ сердецъ,
Вы мнѣ будьте вѣчно чада,
Я вамъ буду вѣкъ отецъ.

ХОРЪ.

Ты достойный намъ владѣтель,
И правдивый судїя,
Можетъ быть что добродѣтель
Наградится и твоя.

КОНЕЦЪ.

ПИГМАЛІОНЪ,

ИЛИ

СИЛА ЛЮБВИ.

ДРАМА

СЪ

МУЗЫКОЮ.

ВЪ

ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Дѣйствующія лица:

ПИГМАЛІОНЪ, *Царь Амафунскій.*

ВЕНЕРА,

КУПИДОНЪ, *безъ лѣнія.*

ИСТУКАНЪ.

ГЕМОНЪ, *палерстникъ Пигмаліоновъ.*

безъ лѣнія.

Вельможи и народъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ садъ Пигмалїоновъ, въ которомъ видны начатые и недодѣланные истуканы, изъ коихъ одинъ онъ додѣлываетъ, ударяя орудїемъ по размѣру музыки, а между сими истуканами одинъ стоитъ особо подъ прозрачнымъ покрываломъ. По окончанїи музыки Пигмалїонъ, вставъ разсматриваетъ додѣлываемый имъ истуканъ, и говоритъ:

ПИГМАЛІОНЪ.

Нѣтъ блеска во ея потупленныхъ очахъ,
Не вижу стройности желаемой въ рукахъ...
[Садится, дѣлаетъ, и паки воставъ говоритъ:]
Не тако сотворилъ, какъ мнилъ, у рукъ я персты,
Не съ тою нѣжностью уста ея отверсты.
[Па-

*[Паки садится, дѣлаетъ, и
составъ лаки говоритъ:]*

Колѣни съ лишкомъ ей и перси обнажилъ,
Не такъ какъ я хотѣлъ, въ ней все расположилъ.

[Смотря на прочїе истуканы.]

О боги! что начну? И что твориши стану?
Отъ истукана мысль преходитъ къ истукану,
Я съ камня взорами на камень прехожу,
Въ твореніи своемъ себя не нахожу;
Нѣтъ живости ни въ чемъ, души ни въ чемъ не видно . . .
О пламень разума! ты гаснешь очевидно,
Какою мрачною завѣсой ты покрытъ?
Увы! Пигмалїонъ боговъ ужъ не творитъ.
Воображенїя мои не столь обильны,
И вы орудїя въ рукѣ моей не сильны
Того произвести, что я производилъ:
Я прежде красоты въ природѣ находилъ:
Для истукана я небесныя Венеры,
Съ красавицъ смертныхъ бралъ прекрасные примѣры.

Но

Но чтожъ, къ какому я концу чрезъ то дошелъ:
Лишь только ихъ красу искусствомъ превзошелъ?
Я больше смертными красами не прельщаюсь,
И взора ихъ очей всемѣстно отвращаюсь;
Уже не чувствую стремленїя въ крови,
Которое меня влекло ко ихъ любви,
Ужъ болѣе меня сей огнь не воспламеняетъ,
И ахъ! рука моя въ искусствѣ измѣняетъ,
Котораго моимъ раченьемъ я достигъ.
Мнѣ вреденъ самому нещастный оный мигъ,
Въ который истуканъ послѣднїй конченъ мною.

[Обратясь къ закрытому истукану.]

Прекрасный истуканъ, ты бѣдъ моихъ виною!
Сокрывъ тебя на вѣкъ, я зрѣть еще горю.

[Приходитъ и берется за покровъ.]

Пускай еще тебя въ послѣднїй разъ узрю,
И естьли разума во мнѣ угасшїй пламень
Не можетъ довершить тебя подобный камень,

Довольно славы мнѣ содѣлаешь и ты . .
[Снявъ покровъ.]
Пресовершенныя лица̀ ея черты!
Всѣ члены божества признаки въ ней являютъ,
Грудь, руки, станъ ея, Венеру составляютъ
Твореніе мое достойно божества,
Тебѣ сей будетъ даръ, о мати естества!
Тебѣ его, тебѣ Венера, посвящаю,
Но кое дѣйствіе я сердца ощущаю?
Съ отмѣнной нѣжностью на сей я образъ зрю,
Касаяся его, я пламенемъ горю,
И нѣкая въ мои приятность льется члены,
Ахъ, естьлибъ таковы страны сей были жены!
Сіябъ Пигмаліонъ была твоей женой!
Я Амафунскою владѣючи страной,
Донынѣ дѣвствую и дѣвствовати стану,
И безъ наслѣдія на тронѣ семъ увяну;
Вельможи и жрецы, и весь желаетъ дворъ,
Да дѣва здѣшнія страны плѣня мой взоръ
Взойдетъ на брачный одръ супругою моею.
Я долженъ моему народу жертвой сею;

Та-

Таковъ страны сея издревле есть законъ:
Да Царь, увѣнчанный на Амафунскій тронъ,
Поиметъ супругою страны сея дѣвицу,
Я долженъ изобрать изъ здѣшнихъ дѣвъ Царицу.
Я долженъ; но увы! мой духъ мятется весь,
Какую дѣву я могу избрати здѣсь?
Нѣтъ дѣвы въ сей странѣ очамъ моимъ прелестной.
Не мучь меня, не мучь, мнѣ пламень неизвѣстной.
Иль слабостямъ и мой уже причастенъ вѣкъ?
Увы, и подъ вѣнцемъ я тотъ же человѣкъ!
Неутомиму скорьбь въ груди моей питаю,
И преестественнымъ я жаромъ нѣкимъ таю.
За то ли я твой гнѣвъ богиня ощутилъ,
Что взора красотой я смертной не прельстилъ?
За то ли я тебѣ толико непріятенъ,
Что Амафунскій весь народъ поднесь развратенъ?
Или всевышній гнѣвъ караетъ и Царей
За беззаконіе подвластныхъ имъ людей?

 Хо-

Хотя подвластный мнѣ народъ и сладо-
страстенъ,
Но я дѣянїю народа непричастенъ:
О мати естества! твою я красоту
Неразвращенными дѣянїями чту,
Не сладострастїя ты мной богиня чтишься,
Но матерью любви чистѣйшїя гласишься,
И естьли пламень сей тобой во мнѣ за-
жженъ?
Такъ я неслыханнымъ ударомъ пораженъ.
[Ко истукану.]
А ты, кѣмъ я теперь безъ всякой пользы
ною,
Коль можно бы владѣть, владѣла бы ты
мною.
Владѣла бы... и такъ уже владѣешь ты.
Собранїе всея природы красоты...
Но ахъ, колико ты мнѣ кажешься прекрасна,
Толико и судьба моя мнѣ преужасна!...
Я заблуждаюся, мой разумъ мглой покрытъ,
Се хладный предомной здѣсь мраморъ пред-
стоитъ.
Я въ изступленїи; не то въ крови стрем-
ленье...
Не оставляй меня пріятно изступленье!

Не

Не оставляй меня, хочу въ тебѣ я быть,
Безумствуя могу лишь образъ сей любить ...
Увы! любви моей на свѣтѣ нѣтъ примѣра!
О маши естества! небесная Венера
Съ предальной высоты на скорбь мою воззри,
И страждущему мнѣ ты помощь сотвори.
Гдѣ ты бываеши, тамъ все въ любви сгараетъ,
Въ присутствіи твоемъ смерть алчна умираетъ.

[Садится, и нѣсколько посидѣвъ подходитъ ко истукану со орудіемъ своимъ.]

Какой недостаетъ тебѣ еще красы?
Прекрасны рамена, и очи, и власы;
Уста пріятную усмѣшку показуютъ,
Всѣ члены красоту ея изобразуютъ:
Въ устахъ пріятный смѣхъ, въ очахъ небесный свѣтъ.
Увы! единыя души недостаетъ,
Ахъ! естьлибъ я возмогъ въ тебя вселити душу ...
Нѣтъ, лучше я мое твореніе разрушу ...

[Хочетъ ломать, но прикоснувшись рукамъ истукана ужасается.]

Бїенье чувствую я жилъ и мягкость рукъ,
Собранье для меня веселїя и мукъ,
Твой зракъ мнѣ начертанъ на сердцѣ становится.
Но гдѣ конецъ моимъ мученїямъ явится?
Слова мои къ тебѣ не входятъ въ ушеса.
На то ли мной тебѣ давалася краса?
На толь я столь тебя устроилъ совершенну?
Чтобъ послѣ быть тобой покоя мнѣ лишенну.
[Хочетъ лаки истуканъ разрушать, но лаки ужасается.]
Се живость нѣкую въ себѣ она явитъ . .
О ты прелестнѣйшїй очамъ плѣненнымъ видъ!
Возьми моей, возьми ты жизни половину.
Ахъ! нѣтъ, я для тебя всю жизнь мою покину,
Пускай въ тебѣ, пускай лїется кровь моя.
Живи прекрасная, пусть буду мраморъ я!
Увы! и мраморомъ я быть ужѣ страшуся,
Тебя увидѣти я чувствъ моихъ лишуся.
О небо! иль мнѣ жизнь съ мученїемъ прерви,
Иль

Иль дѣло рукъ моихъ любовью оживи,
И успокой во мнѣ ты духъ мой возмущенный.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПИГМАЛІОНЪ и ГЕМОНЪ.

ГЕМОНЪ.

Въ сей день, о Государь! Венерѣ посвященный,
Народъ тебя во храмъ ея ко жертвамъ ждетъ,
Златый ея кумиръ приносами одѣтъ:
Межь амаранстами фіоли тамъ пестрѣютъ,
И мирты на главѣ со розами алѣютъ;
Любовь имѣетъ лукъ стрѣлою напряженъ,
И будетъ взоръ тоя дѣвицы пораженъ,
Которыя тебѣ явится зракъ угоденъ.

ПИГМАЛІОНЪ.

Пребуду отъ сего, Гемонъ, я въ вѣкъ свободенъ.

ГЕМОНЪ.

Народъ при олтарѣ въ молчаніи стоитъ,
И ждетъ, да Царь ихъ храмъ богини посѣтитъ,
Ты долженъ огнь возжечь предъ ней своей рукою.

ПИГМАЛІОНЪ.

Богинюль раздражу я жертвою такою?
Какую принести народъ мой хочетъ ей,
Чистѣйшій чувствую я огнь въ груди моей.
И могутъ ли богамъ тѣ жертвы быть пріятны,
Когда приносятъ ихъ сердца людей развратны?
Хотятъ, да въ торжествѣ семъ бракъ мой совершу:
Я сердца съ мыслями ихъ въ вѣкъ не соглашу.

ГЕМОНЪ.

Законъ, о Государь, велитъ сего народа,
Да сопряжется Царь со дѣвой здѣшня рода,
Или заходеши нарушишь сей законъ.

ПИГМАЛІОНЪ.

Исправить хочетъ здѣсь его Пигмаліонъ:
Любовь

Любовь должна всегда во смертныхъ быть
свободна:
Пускай хотя изъ дѣвъ явится мнѣ угодна,
Но ежели Гемонъ не милъ я буду ей:
Не взыду я на одръ съ невольницей моей.

ГЕМОНЪ.

Законъ установленъ сей предками твоими.

ПИГМАЛІОНЪ.

Когда тиранствуя они владѣли ими,
Такъ долженъ ли и я послѣдовати имъ?

ГЕМОНЪ.

Ты долженъ, Государь, потомствомъ намъ
твоимъ.
Да безъ наслѣдія твой родъ не пресѣчется.

ПИГМАЛІОНЪ.

Но кровь моя, Гемонъ, не такъ во мнѣ
лѣется,
Дабы съ немилою предсталъ я предъ олтарь.

ГЕМОНЪ.

И кто же мысль твою заемлетъ Государь?

ПИГМАЛІОНЪ.

Ужасна мысль, Гемонъ, мнѣ въ сердце вкоренилась:
Любовь моя совсѣмъ мнѣ въ муку премѣнилась,
Неизреченна страсть мой разумъ полоня,
Содѣлала своимъ невольникомъ меня.
Стыжусь тебѣ сказать, мой другъ: сей твердый камень
Возжегъ въ крови моей пречудный нѣкій пламень.
Се дѣйство странное жестокія любви.

ГЕМОНЪ.

Опомнись Государь, и страсть сію прерви.

ПИГМАЛІОНЪ.

Хотъ съ здравымъ разумомъ сіе несходно дѣло;
Но ахъ! оно моимъ ужъ сердцемъ овладѣло.
Я чувствую и самъ, что можетъ быть грѣшу,
И пламенемъ сея любови я дышу.
Все бѣдствіе мое самимъ днесь мною зримо,
Но бѣдствіе сіе уже необходимо.

ГЕ-

ГЕМОНЪ.

Иль нѣтъ, о Государь, у насъ прекрасныхъ дѣвъ?

ПИГМАЛІОНЪ.

Постигнулъ знать Гемонъ меня Венеры гнѣвъ,
За то что смертными красами не прельщался,
Во всѣхъ собранїяхъ отъ женъ я отвращался,
Не вспламенялася моя донынѣ кровь:
И се разитъ меня жестокая любовь:
Но естьли страсть сїю она мнѣ въ мысль внушила,
Такъ должно, чтобъ она ее и совершила!
Не съ тѣмъ наполнены желаньемъ въ насъ сердца,
Дабы намъ не имѣть во вѣки имъ конца.

ГЕМОНЪ.

Но кто же умягчитъ тебѣ сей твердый камень?

ПИГМАЛІОНЪ.

Любви всемощна власть и мой жарчайшїй пламень:
Уже я чувствую, что камня вещество
Смягчаетъ подъ моей рукою божество.

Ге-

Гемонъ, любезный другъ, сказать я ужасаюсь:
Когда рукой сего я мармора касаюсь,
Я чувствую тогда въ немъ мягкость, теплоту.
И пусть сïе мечта, я чту сïю мечту.

ГЕМОНЪ.

Вѣщанïе твое превыше всякой вѣры.

ПИГМАЛІОНЪ.

Се казнь на мнѣ! се казнь разгнѣванной Венеры!
Пойду во храмъ ея, и естьли хочетъ внять
Нещастнаго мольбамъ; я стану умолять,
Дабы могущество на мнѣ свое явила,
И пламенемъ моимъ сей камень оживила,
Которой чувствуетъ моя стѣсненна грудь;
А ты дотолѣ здѣсь, любезный другъ, побудь,
И знай, что возвращусь я жить, или умреши.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ III.

ГЕМОНЪ.

Не всѣ ли смертные одной природы дѣти?
Не всѣ ли чувствуемъ единъ ея законъ?
Подъ властїю его и ты Пигмалїонъ.
На тронѣ, подъ вѣнцемъ любовь тебя постигла,
И волнованїе въ крови твоей воздвигла.
Великїй мужъ, увы! что сталося тебѣ?
Или угодно такъ разгнѣванной судьбѣ,
Дабы твой родъ у насъ на тронѣ прекратился,
Когда не дѣвою, ты мраморомъ прельстился?
Какимъ ты пламенемъ вспылалъ, великїй мужъ?
Я знаю, что гражданъ свирѣпыхъ низкость душъ
Не тако о твоей любви судити станетъ,
Народъ великихъ дѣлъ твоихъ не воспомянетъ.
Невѣжество дѣлъ людей великихъ тмитъ,
Доколѣ Муза въ свѣтъ о нихъ не загремитъ.
О вы владѣтели, Цари скиптродержавны,
Вы состоянїемъ со смертными не равны.

Ког-

Когда не Царь свою въ порокахъ жизнь ведетъ,
Иль добродѣтельно на свѣтѣ онъ живетъ;
Со жизнію его молва о немъ престанетъ,
И слава, и хула равно его увянетъ.
Но ваша жизнь, Цари, совсѣмъ не такова;
Коль слабость сотворитъ вѣнчанная глава,
Народъ великихъ дѣлъ судити не умѣетъ,
И слабость царскую порокомъ разумѣетъ.
Когда же ропщутъ такъ, владыки, и на васъ,
Воистину Цари нещастливѣе насъ!
Но ты, Пигмаліонъ, премудрый нашъ владѣтель,
Художествамъ покровъ, наукамъ благодѣтель,
Ты добродѣтелью пороки побѣждалъ,
Ты здраво обо всемъ донынѣ разсуждалъ,
По симъ твоимъ дѣламъ кто разумъ твой измѣритъ,
Едва ли тотъ уже со мною не повѣритъ,
Что мудрымъ долженъ быть отверстъ природы храмъ.
Но се онъ самъ моимъ является очамъ.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПИГМАЛІОНЪ и ГЕМОНЪ.

ПИГМАЛІОНЪ.

Моленїе, мой другъ, народа все напрасно,
Я зрѣлъ богини гнѣвъ, и зрѣлъ я гнѣвъ сей ясно:
Благоуханный дымъ отъ множества кадилъ
И жертвенныхъ огней, на небо не всходилъ;
Казалось, что кумиръ на насъ взирая грозно
Вѣщалъ намъ темными словами: Нынѣ позно
Прогнѣванну меня о милости просить.
Тогда лишь можете вы гнѣвъ мой погасить,
Когда здѣсь чрезъ кого одушевится камень.
По семъ блеснулъ изъ глазъ кумира трижды пламень,
И трижды грома трескъ огромный храмъ потрясъ,
Пресѣкши блескъ огня и съ нимъ богини гласъ.
Бывъ ужасомъ объятъ народъ непросвѣщенный,
Разсѣялся какъ прахъ, оставя храмъ священный.

Та-

Таковъ для грѣшниковъ ужасенъ Божій гнѣвъ.
Остался въ храмѣ я, и сердцемъ поболѣвъ
Отвѣта грознаго не тако устрашился,
И всей еще моей надежды не лишился.

ГЕМОНЪ.

Какаяжъ, государь, тебѣ надежда льститъ?

ПИГМАЛІОНЪ.

Венера всѣ мои напасти прекратитъ:
Венера бо живитъ собою всю природу.
Поди и возвѣсти развратному народу,
Что естьли въ слѣпотѣ своей пребудетъ онъ,
Не будетъ больше имъ Царемъ Пигмаліонъ.

ГЕМОНЪ.

Онъ искренними весь къ тебѣ сердцами таетъ.

ПИГМАЛІОНЪ.

Когда меня народъ достойнымъ почитаетъ,
И хощетъ, чтобъ владѣлъ я здѣшнею страной,
Да согласится весь Венеру чтить со мной,
Не

Не тако какъ ее онъ нынѣ почитаетъ.
Скажи ему, что Царь того ихъ днесь желаетъ,
Чтобъ мыслили о ней какъ мышлю нынѣ я:
Она всѣхъ тварей мать, вина ихъ бытія.
Не къ сладострастїю въ насъ чувства возбуждаетъ,
Но истинную въ насъ любовь въ крови раждаетъ,
Которою весь свѣтъ быть долженъ сопряженъ,
Се пламень, кой въ крови владыки ихъ возженъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ПИГМАЛІОНЪ.

Душа вселенныя, небесная Венера,
О маши естества! всѣхъ тварей жизни мѣра,
Гдѣ равновѣсїе твое, гдѣ твой законъ?
Страдаетъ мучимый тобой Пигмалїонъ.
Мученїе мое прешло свои предѣлы,
Какїя изъ очей ея исходятъ стрѣлы,

И поражаютъ мой плѣненный ею взоръ?
О ты мученія и прелести соборъ!
Чего мой скорбный духъ, чего еще желаетъ?
Увы! весь адъ въ моей крови теперь пылаетъ.
Снѣдающій мя огнь богиня раздѣли,
И половину въ сей ты мраморъ пресели.
Исполни ты свою на мнѣ безсмертну волю;
Перемѣни моихъ гражданъ сурову долю.
Рекла бо, что тогда твой гнѣвъ на нихъ минетъ,
Когда чіей рукой здѣсь камень оживетъ.
Одушеви моихъ ты рукъ прекрасно дѣло,
Вдохни ей жизнь въ уста, смягчи ей твердо тѣло.
Съ ней купно и меня богиня оживишь,
И подданныхъ моимъ покой возобновишь..
О упованіе! о тщетное желанье!
На воздухѣ твое я зижду основанье...
Но кое вновь меня стремленіе влечетъ?
Надеждой кровь моя исполнена течетъ.

Она

Она возрѣши мнѣ на образъ мысль вселяетъ.
Но тайный нѣкій страхъ мой взоръ останавливаетъ.

[Съ насмѣшкою.]

Воззри нещастливый, воззри на марморъ сей.
И больше тщетныя надежды не имѣй . . .

[Воззрѣвъ со ужасомъ отвращается.]

О небо ! что я зрѣлъ? Оной подъемлетъ вѣжды.
Се дѣйствіе моей напрасныя надежды.
Я въ изступленіи . . . чегожъ страшуся я?
Мнѣ будетъ только въ немъ пріятна жизнь моя.
Я слышу нѣкій гласъ !.. весь рокъ мой совершился ,
Пигмаліонъ, совсѣмъ ты разума лишился.

[Садится, и во время лѣнія безмолвствуетъ. По семъ вставъ смотритъ на садъ свой.]

ХОРЪ.

Ты Венера въ свѣтѣ семъ
Обладаешь надовсѣмъ;
Гдѣ рука твоя коснется ,
Тамо хладна смерть проснется,

И твою велику мочь
Вся природа почитаетъ,
Предъ тобою ледъ растаетъ;
Хладный тартаръ, вѣчна ночь
Предъ твоими очесами,
Становятся небесами.

ПИГМАЛІОНЪ.

Какой въ глазахъ моихъ блистаетъ новый свѣтъ?
Возобновляется природа и цвѣтетъ.
Всѣ облекаются во новы листья лозы,
И мирты разцвѣли и благовонны розы,
И се на всѣхъ древахъ явился новый плодъ.
Не знаменуетсяль богини тѣмъ приходъ.
Но кое зрѣлище еще мой взоръ плѣняетъ?
Съ Еѳира облако низшедъ мя осѣняетъ,
О матти естества! ты мнѣ явишь твой зракъ.
И гонишь отъ очей моихъ мой смертный мракъ.

[Между симъ слускается облако, на которомъ Венера, и слустясь со онаго сходитъ.]

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПИГМАЛІОНЪ и ВЕНЕРА.

ВЕНЕРА.

Премудрымъ то извѣстно,
Что власть моя всемѣстно
Простерла скипетръ свой.
Живутъ на свѣтѣ мной,
И звѣрь и человѣки,
Моря́ и быстры рѣки,
Плоды, цвѣты, трава.
Вся мною тварь жива.

ХОРЪ.

Твою все силу ощущаетъ,
Гдѣ только солнце освѣщаетъ.

ВЕНЕРА.

Во свѣтѣ семъ пространномъ,
Въ движеньѣ безпрестанномъ,
Всѣ мною тѣлеса,
Луга́, поля́, лѣса́,
И ледъ, и твердый камень,
Мой грѣетъ жаркій пламень.

Какъ власть моя минетъ,
Тогда погибнетъ свѣтъ.

ХОРЪ.

Твою все силу ощущаетъ,
Гдѣ только солнце освѣщаетъ.

ПИГМАЛІОНЪ.

Богиня радости, природы щедра мать,
Я зрю, что хощеши мольбамъ моимъ внимать,
Когда смиреннаго раба ты посѣтила,
Ты душу мнѣ твоимъ сіяньемъ освѣтила.

ВЕНЕРА.

Хотя народъ твой власть мою и раздражилъ,
И гнѣвъ мой праведный достойно заслужилъ;
Но нравъ твой, кроткій нравъ, въ правленіи народа,
И свѣдома тебѣ ученіемъ природа,
Принудили меня съ небесъ къ тебѣ сойтить,
И болѣ твоему народу днесь не мстить.
Ты внялъ мой въ храмѣ гласъ: я гнѣвъ остановляю,
Прощаю твой народъ, и марморъ оживляю.

[Въ

[Въ сіе время равно разладается истуканъ, а за нимъ стоящая актриса означается стоящая на лодножіи каменномъ.]

Надъ просвѣщенною страною ты владѣй,
И дѣло рукъ своихъ супругою имѣй.

ПИГМАЛІОНЪ *[съ восторгомъ.]*

Богиня, небеса, о чудо несказанно!

ВЕНЕРА.

Живите въ радости вы вѣкъ свой безпрестанно.
Се прозьбы мудраго необорима мочь.

ИСТУКАНЪ *[со удивленіемъ.]*

Бѣжитъ отъ глазъ моихъ мя крыющая ночь.

ПИГМАЛІОНЪ.

Я радости въ моемъ днесь сердцѣ не вмѣщаю!

ИСТУКАНЪ.

Я вижу свѣтъ теперь, я живость ощущаю.
[прикасаясь себѣ.]

Прикосновенїе грудь чувствуетъ моя.
Се грудь, се рамена, се руки; это я!
Смягчилися во мнѣ мои всѣ шверды члены..
[Прикасается лодножїю, на которомъ, бывъ истуканомъ, стояла.]
А это ужъ не я!..о чудныя премѣны!

ПИГМАЛІОНЪ.

Какїя прелести! какїя красоты!

ИСТУКАНЪ.

Богиня, что я днесь? и гдѣ, скажи мнѣ ты?
Изъ мрака вѣчнаго изведшися тобою,
Довольствуюсь теперь щастливою судьбою;
Подобную себѣ я тварь съ собою зрю,
И страннымъ нѣкимъ къ ней желанїемъ горю,
Хочу приближиться, но чувствую стыдливость.

ПИГМАЛІОНЪ *[хочетъ обнять.]*
О небо! познаю во истуканѣ живость!

ИСТУКАНЪ *[не долускаетъ обнять себя.]*
Сего я не могу терпѣть во весь мой вѣкъ.

ПИГ-

ПИГМАЛІОНЪ.

Я есмь, прекрасная, такой же человѣкъ;
Я есмь твореніе, и есмь тебѣ подобно,
Не уже ли твое мнѣ сердце будетъ злобно?

ИСТУКАНЪ.

Я чувствую, что зракъ его мнѣ не постылъ.

ПИГМАЛІОНЪ.

И нынѣ во крови тотъ пламень не простылъ,
Какимъ и въ мраморѣ къ тебѣ всегда я таялъ.
И сей ли отъ моей любви ушѣхи чаялъ?
Ахъ! ежели меня не хочешь ты любить,
Такъ хочешь жизнь мою на вѣки истребить.

Дуетъ.

ВЕНЕРА.	ИСТУКАНЪ.
Коль жизнь тебѣ прелестна,	Мнѣ жизнь моя прелестна,
Коль хочешь въ свѣтѣ быть,	Хочу на свѣтѣ быть.
Любовь всему совмѣстна,	Любовь мнѣ неизвѣстна,
Должна и ты любить,	Могу ли я любить?

Теперь ужъ ты не камень,
Познай любови пламень.

Хотя ужъ я не камень,
Невѣдомъ мнѣ сей пламень.

ВЕНЕРА, *Соло.*

Ты мною оживленна,
Должна познать любовь.

Дуетъ.

ВЕНЕРА и ПИГМАЛІОНЪ.

Тобою воспаленна,
Тобой его вся кровь.
моя

ИСТУКАНЪ, *Соло.*

Мнѣ взоръ его прелестенъ,
Мой взоръ себя въ немъ зритъ,
Но пламень неизвѣстенъ,
Которымъ онъ горитъ.
Какъ мысль ни обращаю,
Сего не ощущаю.

Трїо.

Трїо.

ВЕНЕРА, ПИГМАЛІОНЪ и ИСТУКАНЪ.

Взирая на природы
Различны красоты,
На землю, воздухЪ, вóды,
Траву, древа, цвѣты;
Вся тварь плоды приноситЪ,
Любовь сей дани проситЪ;
Но кто сей дани проситЪ?

[истуканъ.]

ВЕНЕРА.

Живи въ согласїи съ симЪ мужемЪ, ты живи;
Познáешь пламень сей посредствїемЪ любви.
И шако нужды здѣсь я быть не обрѣтаю:
Останьтеся, а я ко Пафу отлетаю.

ПИГМАЛІОНЪ.

Отшествїе твое богиня мя страшитЪ.

ВЕНЕРА.

Любовь пошлю я къ вамЪ, любовь вамЪ все свершитЪ.

[Въ

[Въ отшествіе ея поетъ хоръ первую строфу: Ты Венера въ свѣтѣ семъ, обладаешь надовсѣмъ.*]*

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПИГМАЛІОНЪ и оживленный ИСТУКАНЪ.

ПИГМАЛІОНЪ.

Ужель, прекрасная, богини изреченье,
Прервешъ совсѣмъ мое жестокое мученье?
Уже ли чувствуешь ты мой сердечный жаръ?
Прекрасная жена, небесъ прещедрыхъ даръ,
Какія нѣжности въ очахъ твоихъ блистаютъ,
Благополучны тѣ, кто жаромъ общимъ таютъ,
А ты не чувствуешь любви моей огня,
Иль вѣчно хощеши ты мучити меня.

ИСТУКАНЪ.

Какія отъ меня мученія имѣешь,
Или ты чувствуешь, что самъ ты каменѣешь?
Увы!

Увы! на то ли я престала камнемъ быть,
Чтобъ только мнѣ тебя собой окаменить?
Бѣги меня, бѣги, опасно быть со мною.

ПИГМАЛІОНЪ.

Возлюбленная, будь ты царскою женою,
Достойну честь воздамъ твоей я красотѣ;
Народъ мой . . .

ИСТУКАНЪ.

Царь, народъ, и гдѣ сутъ камни тѣ?
Я мнила, что на вѣкъ останусь я съ тобою,
А ты грозишь теперь мнѣ лютою судьбою,
Увы! я трепещу, такъ я тебя лишусь?
Межъ камнями уже я быть не соглашусь.

ПИГМАЛІОНЪ *[въ сторону.]*

Реченія мои совсѣмъ ей непоняшны,
И самой простоты слова ея пріятны.
О ты! невинности любезна простота,
Ты истинная всей природы красота.
[истукану.]
Взведи прекрасная свои ты окрестъ взоры;
На свѣтѣ не одни сутъ каменныя горы;
Но

Но множество съ собой другихъ твореній зря,
Познай вселенную, познай во мнѣ Царя.

ИСТУКАНЪ.

А ежели Царемъ тебя я обрѣтаю:
Съ тобою вмѣстѣ жить я щастіемъ считаю.

ПИГМАЛІОНЪ.

Престолъ сея страны моя на свѣтѣ часть.
Познай меня, познай, твою носяща власть.
Тобою кровь моя горитъ, и сердце таетъ,
Тебя Пигмаліонъ душею почитаетъ.
Я Царь сея страны, всѣ люди чтутъ меня,
А ты владѣешь мной мой взоръ на вѣкъ плѣня.

ИСТУКАНЪ.

Коль такъ щедра природа,
Коль ты ея мнѣ даръ,
О Царь сего народа!
Я чувствую твой жаръ.

ПИГМАЛІОНЪ *[въ сторону.]*

Се кое дѣйствіе природа производитъ;
Но се любовь съ небесъ паритъ и къ намъ приходитъ.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПРЕЖНІЕ и КУПИДОНЪ.

КУПИДОНЪ *[истукану.]*

О тварь прекрасная! ты жизнь восприняла
На то, дабы ему супругою была:
Послушна навсегда моей ты воли буди,
Подвластны бо мнѣ всѣ живущи въ свѣтѣ люди,
Царьми и пастырьми равно владѣю я;
Познай, колико власть могуща есть моя.
[беретъ рѹ́ки у обѣихъ, и складываетъ ихъ вмѣстѣ, и накладываетъ на нихъ вѣнки.]
Съ Пигмалїономъ васъ я вѣчно сопрягаю,
И легкое сїе вамъ бремя налагаю;
Производите вы желанный царству плодъ,
Сего желаетъ весь подвластный вамъ народъ.

Дуетъ

ПИГМАЛІОНЪ и ИСТУКАНЪ.

Сїе легчайше бремя
Взлагай любовь на насъ. Щас-

Щастливѣйшее время,
О радостнѣйшій часъ!

ИСТУКАНЪ.

Богиней жизнь познала,
Пріявши въ жилы кровь;
Тобой щастлива стала,
Сладчайшая любовь.

ИСТУК. *Пигмаліону.* Я стала быть иною. 2
ПИГМАЛ. Владѣй на вѣки мною.

ПИГМАЛІОНЪ.

Благополучной я на свѣтѣ человѣкъ!

ИСТУКАНЪ.

Катись по радостямъ отъ нынѣ весь нашъ вѣкъ.

ПИГМАЛІОНЪ.

Коль буду я отъ днесь съ тобою неразлученъ:
Такъ буду я во весь мой вѣкъ благополученъ.

ИСТУКАНЪ.

Коль буду навсегда тобой любима я,
Щастливою на вѣкъ пребудетъ жизнь моя.

КУПИДОНЪ.

Взаимно вы меня въ сердцахъ запечатлѣйте,
И собственнымъ своимъ вы жаромъ пламенѣйте.

ИСТУКАНЪ.

Ты въ сердце мнѣ вселилъ чистѣйшій твой законъ.

ПИГМАЛІОНЪ.

Тебѣ подвластенъ сталъ на вѣкъ Пигмаліонъ.

КУПИДОНЪ.

Порочные меня, порочнымъ почитаютъ,
И вольнаго въ своихъ оковахъ угнѣтаютъ.
Воззрите на союзъ всего вы естества,
Онъ есть причиною всѣхъ тварей существа.
И сей союзъ межъ всѣхъ вещей нераздѣлимой,
Всеобщая душа вселенной вами зримой.

А душу въ нихъ сію вселяю только я,
Я есмь виною всѣхъ твореній бытія.
Коль данниковъ моихъ и васъ я обрѣтаю,
Въ спокойствіи отъ васъ къ богинѣ отлетаю.

[Отлетаетъ.]

ПИГМАЛІОНЪ.

Всѣ свѣта прелести въ тебѣ я нахожу.

ИСТУКАНЪ.

По сердцу моему слова твои сужу.
Тобою кровь моя толикожъ воспаленна,
Въ тебѣ души моей пространная вселенна.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ПРЕЖНІЕ и ГЕМОНЪ.

ПИГМАЛІОНЪ *[указывая на супругу.]*

Познай, любезный другъ! власть нѣжныя любви.

ГЕМОНЪ *[со удивленіемъ.]*

Что вижу? государь!

ПИГМАЛІОНЪ.

Народу объяви, Что

Что чистая любовь природу побѣдила,
Се зри! она меня супругой наградила.

ГЕМОНЪ.

Необоримая любови нѣжной власть!
Скончай, о Государь! людей твоихъ напасть.
Богиня мощная и ихъ сердца смягчила.
И кроткими любовь ихъ быти научила;
Они, о Государь, во твой сотекшись дворъ,
Желаютъ видѣти пресвѣтлый царскій взоръ.

ПИГМАЛІОНЪ.

Когда невѣжества пороки ихъ увяли;
Скажи, дабы ко мнѣ раби мои предстали.
[Гемонъ отходитъ.]
Въ народѣ я моемъ премѣну зря сію,
Богиня, власть твою я паки познаю,
Коль слово истинны ты въ слухъ его внушила,
Ты все мое теперь желанье совершила.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ПИГМАЛІОНЪ, одушевленный ИСТУКАНЪ, ГЕМОНЪ, ВЕЛЬМОЖИ и НАРОДЪ.

ПИГМАЛІОНЪ.

Вельможи, воины, граждане и друзья,
Познайте, како днесь благополученъ я;
Се вамъ прекрасную Царицу я имѣю:
Познайте вы ея супругою моею.
Се зрите взоръ ея, черты ея чела:
Прекрасну столь жену богиня мнѣ дала,
Любовь чувствительно въ ней сердце сотворила,
И мраморъ чувствіемъ и смысломъ одарила.

ВЕЛЬМОЖА.

Къ всеобщей радости, въ спокойствіи своемъ
Мы власть небесныя Венеры познаемъ:
Исчезли, Государь, въ насъ мысли развращенны,
И мудростію мы твоею просвѣщенны.
Владѣя тьмой къ тебѣ пылающихъ сердецъ,
Ты буди навсегда монархъ намъ и отецъ.

ПИГ-

ПИГМАЛІОНЪ.

Я сѣлъ на тронѣ семъ, о чада! съ тѣмъ
владѣти,
Чтобъ былъ я вамъ отецъ, а выбъ мнѣ
были дѣти.
И сей обѣтъ во вѣкъ хранити буду я;
Споручницею въ томъ супруга вамъ моя.

ХОРЪ.

Будьте щастливы супруги
Подавая царству плодъ;
И отечеству заслуги
Продолжайте въ родъ и родъ.

Трїо.

ПИГМАЛІОНЪ, одушевленный ИСТУКАНЪ и ВЕЛЬМОЖА.

О всея вселенной маши!
Буди власть твоя на насъ;
Будемъ огнь мы твой питати,
Чтобъ онъ вѣчно не погасъ.

* *

Чтобъ сей огнь въ насъ вѣчно длился,
И въ потомство преселился,

Въ насъ горя по всякій часъ.

* *

Кто порокомъ почитаетъ
Непорочную любовь,
Желчь въ груди своей питаетъ,
Ядомъ въ немъ течетъ вся кровь.

*

Для нево блескъ дня затмится,
Вся вселенна возмутится,
Превратясь во бездну вновь.

ХОРЪ.

Будьте щастливы супруги
Подавая царству плодъ;
И отечеству заслуги
Продолжайте въ родъ и родъ.

КОНЕЦЪ.

ЛЮБОВНИКЪ КОЛДУНЪ,

ОПЕРА

КОМИЧЕСКАЯ

ВЪ

ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Сочинена для Благороднаго Общества,
и представлена въ 1772 году.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

СТАРОДУМОВА, тетка.

МЕНИДА.
ТАНЯ. } племянницы, всѣ родныя сес-
ЛИЗА. } шры

МИЛОВИДОВЪ, любовникъ.

Дѣйствіе въ деревнѣ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ комнату, въ которой сидя три племянницы Стародумовой, упражняются въ разныхъ домовыхъ работахъ, и поютъ.

ХОРЪ *[На голосъ: что ловыше города Саратова.]*

Какъ трава увянетъ въ полѣ,
Листъ когда желтѣть начнетъ;
Нѣтъ въ поляхъ веселья болѣ,
Въ рощахъ утѣшенья нѣтъ.

Такъ мы страждемъ и горчимся,
Такъ не чувствуемъ утѣхъ,
Съ тѣмъ когда мы разлучимся,
Кто для насъ миляе всѣхъ.

*

МЕНИДА *[Лизѣ.]*

Сестрица! ета твоя пѣсенка мнѣ очень полюбилась; и видно по твоей работѣ, что она не безъ умысла сдѣлана.

ЛИЗА.

Ахъ! сестрица, я ее сдѣлала, сама незнаю на что; съ недѣлю тому назадъ, я потеряла свой алой банпикъ, которой изъ любимыхъ лентъ былъ сдѣланъ; мнѣ такъ ево стало жаль, что я вдругъ написала ету пѣсенку, которая не знаю по чему вамъ и полюбилась.

ТАНЯ.

Подлинно бантикъ! етотъ бантикъ, мнѣ кажется, тебя день и ночь безпокоитъ. Ну! да ежели тотъ пропалъ, такъ бы ты другой сдѣлала, и пѣсенкибъ на разлучку не писала.

МЕ-

МЕНИДА.

Ето мудрено! очень мнѣ мудрено, что ея пѣсенка точно на другой день показалась, какъ господинъ Миловидовъ отъ насъ въ городъ уѣхалъ. Не онъ ли у тебя Лиза баншикъ твой увезъ?

ЛИЗА.

Сестрицы, сестрицы, вы меня дразните, и хотите надо мной смѣяться, какая мнѣ нужда до Миловидова? онъ часто къ намъ ѣздитъ, онъ со мною играетъ; я къ нему привыкла, такъ какъ и вы также; ласкова такъ, какъ и вы, и также не влюблена въ нево, какъ и вы сестрицы; хотя онъ всѣхъ насъ равно любитъ.

ТАНЯ.

Тотъ любви не утаитъ,
На кого кто все глядитъ;
Кто чьи взоры примѣчаетъ,
Кто безъ нихъ вездѣ скучаетъ,

*

Вид-

Видно изъ твоихъ очей,
Будто есть въ груди твоей,
Есть какая-то кручина;
И любовь тому причина.

*

Слышу твой не рѣдко стонъ,
Разрывается твой сонъ,
Все печаль на мысли таже;
Знать крушишься о пролажѣ.

ЛИЗА.

Ежели я потеряла что нибудь, такъ обыщитесь сестрицы, не потеряли ли вы еще чего больше?

МЕНИДА.

Стыдно нѣжность въ сердцѣ крыть;
Но стыдняй за то журить,
Кто влюбляется въ кого;
Зависть лагубняй всего.

*

Кто не чувствуетъ въ крови
Во цвѣтущи дни любви,
Страстью кто нелобѣжденъ,
Готъ на скуку въ свѣтъ рожденъ.

*

А завидовать тому,
Кто взаимно милъ кому;
То слокойства не любить,
И себѣ злодѣемъ быть.

Вотъ какъ я разсуждаю; согласна ли ты со мною Лизанька?

ЛИЗА.

Поучиться я хочу, я хочу
Что за выгрышъ лолучу, лолучу,
Какъ ково я лолюблю, лолюблю?
Я себя ли логублю, логублю
Или щастье соберу, соберу?
Научите вы сестру, вы сестру;
Мнѣ безстрастной лолюбить, лолюбить,
Или склонной мнѣ не быть, мнѣ не быть?

ТАНЯ.

Ученова учить только портить; однако знаете ли что дѣвушки? Тетка послала за колдуномъ, которой у насъ въ деревнѣ остановился; говорятъ, что онъ все знаетъ; отъ

отъ него мы свѣдаемъ обо всемъ и о Миловидовѣ, котораго такъ давно не видали.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТЁЖЪ и ТЕТКА.

ТЕТКА.

Приготовьте столикъ, карты, да кусочикъ мѣлку.

МЕНИДА.

На что сударыня? Никакъ вы изволите въ карты забавляться?

ТАНЯ.

Не гости ли къ вамъ пріѣхали, сударыня?

ТЕТКА.

Не гости, да гость; и етотъ гость стоитъ многихъ гостей. Это, сударыня, превеликой угадчикъ, хиромантикъ, астрономъ и профессоръ, которой узнаетъ все, что съ начала свѣта было, что будетъ; а лучше всего узнаетъ, что у кого на умѣ; также показываетъ онъ, кого кто ни заду-

задумаетъ ; такъ мнѣ хочется увидѣть свою покойную бабушку, за тѣмъ-то я ево сюда и позвала; онъ безпрестанно почти поетъ, и такъ намъ надобно ему пѣснями отвѣчать, чтобъ онъ лучше насъ выразумѣлъ. Ну, племянницы, ежели вы хотите его спрашивать, скажите, чего вы потребуете отъ него?

МЕНИДА.
ТАНЯ,
ЛИЗА. } Ничего сударыня.

ТЕТКА.

Ахъ! матушки мои! какъ же ничего, вить вы таки дѣвушки, не ужто ли вамъ ничего и не хочется? Ты Танюшка всѣхъ больше на меня похожа, ты скажи мнѣ, о чемъ ты спросишь?

ТАНЯ.

Извольте, я ничего не ушаю.

ТЕТКА.

Пропой же, пропой, о чемъ?

ТАНЯ.

ТАНЯ.

[На голосъ: Ужъ какъ по мосту мосточку.]

О богатствѣ кто радѣетъ,
Тотъ лускай и богатѣетъ;
Мы довольны и одѣты,
Есть и мушки и манжеты;
Есть платки у насъ цвѣтные,
Есть каменья дорогїе;
Много есть всево другова,
Только нѣтъ лишь дарагова,
Съ кѣмъ бы сердце я дѣлила,
Кѣмъ бы душу веселила;
Съ кѣмъ же быть хочу я вмѣстѣ,
Льзяль о томъ сказать невѣстѣ?

ТЕТКА. МЕНИДА. } Знаемъ! знаемъ!

ТЕТКА.

Нушка ты, Менидушка, о чемъ ты у волшебника спросить захочешь? Пропой намъ голубушка, пропой.

МЕ-

МЕНИДА.

Погибельная дѣвичья жизнь, въ ней скука, печаль:
Такую жизнь перемѣнить не стыдно, не жаль;
Въ тоскѣ, въ слезахъ, въ отчаяньи весь вѣкъ нашъ течетъ
За тѣмъ, что дѣвушкамъ судьей быть хочетъ весь свѣтъ;
За каждый шагъ, за каждый взглядъ дѣвицу бранятъ;
За что одни похваляютъ, насъ другія винятъ.
Но думаю не грѣхъ, не грѣхъ о томъ ворожить,
Какъ вѣкъ намъ свой установить, съ кѣмъ вѣкъ прожить.

ТЕТКА.

Ты голубушка намъ ничего не сказала, сколько ни пѣла. Нушка ты Лиза, пропой намъ, чего бы напримѣръ по ребячеству тебѣ хотѣлось, не стыдись, пропой.

ЛИЗА.

[Наголосъ: Ахъ какъ въ городѣ Калугѣ.]
Лизя ли, чтобы могъ ребенокъ
Могъ инова ложелать;
Былъ бы живъ лишь мой котенокъ,
Чтобы Лизѣ съ кѣмъ играть,

Чтобы птички воспѣвали
У меня передъ окномъ,
Чтобъ игрушки мнѣ давали,
Все мое хотѣнье въ томъ.

*

А когда уже наскучатъ
Игры мнѣ и соловьи,
Пусть меня тогда научатъ
Старшія сестры мои;
Пусть научатъ не рѣзвиться,
Пусть прибавятъ мнѣ ума,
Съ чемъ къ волшебнику явиться,
Я не вѣдаю сама.

*

ТАНЯ.

О! ты больше всѣхъ вѣдаешь, чего тебѣ желать надобно: на шестнацатомъ году уроковъ не принимаютъ, о чемъ ворожить должно; право сестрица, ты не объ однихъ кошечкахъ и птичкахъ думаешь, есть у тебя другія игрушки.

МЕНИДА.

Ты все на нее сердишься сестрица, и тебѣ стыдно будетъ, ежели колдунъ узнаетъ, за что ты сердишься.

ТЕТ-

ТЕТКА.

Не бранитесь милыя племянницы. Покойная мать ваша была всегда со мною искренна, и мы отъ того то вѣкъ свой безъ ссоры съ нею прожили. Нынѣча свѣтъ перемѣнился, и всѣ другъ отъ друга таятся; скрываютъ всѣ свои мысли; а ето отъ того, что худо посты содержатъ, и мало поклоновъ кладутъ. Вы кажется, выросли у меня всѣ въ деревнѣ; я васъ всѣхъ равно воспитала, всѣхъ равно одѣлила; за что вамъ браниться, на что лукавить между собою? Душеньки мои, ежели худо всѣмъ признаться, такъ еще хуже то чувствовать, что стыдно выговорить. Послушайтежъ и моей пѣсьни.

ТЕТКА *[поетъ.]*

Скученъ обычай,
Скучны мнѣ нравы,
Лесть и лукавство
Гдѣ заведутся.
Въ нынѣшни вѣки,
Всѣ человѣки
Стали притворны,
Видомъ покорны;

Видомъ покорны;
Горды сердцами,
Льстивы, упорны,
Хитры, упрямы;
Всѣ мы недружны;
Виды наружны
Все замѣняютъ,
Дружбы не знаютъ.

Такъ голубушка, все нынѣча не пошаковски; ну, что вы мнѣ на ето скажете?

МЕНИДА.

Въ чемъ признаться намъ
Гетушка велишь?

ЛИЗА.

Все я сказала вамъ.

ТАНЯ.

Нѣтъ, ты все таишь.

ТЕТКА.

Изъ вашихъ глазъ видно,
Вамъ вымолвить стыдно,
То, что вы въ сердцахъ своихъ таите.

Всѣ три сестры. } *Что же свѣдать вы отъ насъ хотите?*

ЛИЗА.

ЛИЗА.

Все то сказала я,
Что сказать могла;
Тайная мысль моя,
Въ сердцѣ не легла.

ТЕТКА.

Инъ станемъ таиться,
Другъ друга стыдиться.

[Всѣ четыре.]

Кто о чемъ теперь изъ насъ ни мыслитъ,
Вѣрно ето все колдунъ изчислитъ.
Какъ ни стараемся
Жаръ скрывать въ крови,
Скоро признаемся
Въ нашей мы любви;
Мы вѣрно то знаемъ,
Что ею мы таемъ;
Но другъ другу намъ въ любви открыться,
Есть причина намъ того стыдиться.

ТЕТКА.

Тише! тише! кто-то идетъ, я слышу въ передней стукъ, конечно ето волшебникъ идетъ.

идетъ. Дѣвки, впустите его, отворите двери; а вы голубушки станьте къ сторонкѣ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЪ и ВОЛШЕБНИКЪ *[въ странномъ платьѣ, въ маскѣ, съ палочкой и съ мѣшкомъ.]*

ВОЛШЕБНИКЪ. *[На голосъ: вы раздайтесь, разойдитесь]*

Кто своей не скажетъ тайны, мысли скроетъ,
У того отъ грусти сердце все изноетъ.
Будетъ ползать тотъ змѣею подъ кустами,
Иль покроется корою и листами;
Бойтесь, бойтеся дѣвицы вы таиться,
Что я дѣлъ, все сіе съ вами можетъ сбыться,
На кого глаза въ семъ домѣ я ни вскину,
Узнаю всѣхъ мыслей вашихъ половину.

*

ЛИ-

ЛИЗА.

[посмотрѣвъ на его маску.]

Ахъ! сестрица, мнѣ кажется онъ весь костяной?

ВОЛШЕБНИКЪ.

Дѣвушка! у тебя есть маленькой котеночикъ, котораго ты очень любишь, лелѣешь и гладишь.

ВСѢ.

Ахъ! онъ все знаетъ, все знаетъ!

ТАНЯ.

Господинъ волшебникъ, ета дѣвушка не любитъ ли еще кого нибудь?

ВОЛШЕБНИКЪ.

Нѣтъ! а ты, сударыня, любишь одного мущину, которой не давно отсюда уѣхалъ.

ТАНЯ.

Ахъ! онъ ничего не знаетъ.

ВСѢ, кромѣ ТАНИ. } Нѣтъ, нѣтъ, онъ все знаетъ!

ВОЛШЕБНИКЪ.

Теперь мнѣ на ваши вопросы отвѣчать можно; оставьте меня одного, и не входите прежде, покуду не зазвоню я въ ко-

локольчикъ; тогда являйтесь по одиначкѣ, кому изъ васъ вздумается; а я между тѣмъ приготовленія дѣлать стану. Извольте выпити.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВОЛШЕБНИКЪ *[одинъ]*

[снявъ съ себя маску.]

Ну! бѣдный Миловидовъ, начинай колдовать, теперь твоя судьбина рѣшиться должна.

Въ етой странной одеждѣ,
Я не тотъ, кто былъ прежде;
Видъ и голосъ сокрою
Подъ густою бородою.

*

Стражду, мучусь и тлѣю,
Только узнать не умѣю,
Щастливъ я иль нещастенъ
Тою, кѣмъ цѣлой годъ страстенъ.

*

Всѣ меня здѣсь ласкаютъ,
Взоръ съ меня не слускаютъ,

Голь-

Только о Лизѣ лишь слово
Всѣ отвѣчаютъ сурово.

*

Тетка притворно хохочетъ,
И мнѣ роднею быть хочетъ,
Только начну изъясняться,
Сестры краснѣютъ, стыдятся.

*

Ихъ любви я не жажду,
Лизою только я стражду,
Лизой прельщаюсь и таю,
Лизѣ я милъ ли? не знаю.

*

Нѣтъ иного способа добиться мнѣ отъ етой упрямой семьи, могу ли я на той жениться, которую люблю; вотъ причина моего страннаго убранства и смѣлаго предпрїятїя. О! любовь, прости мнѣ ету маленькую хитрость, которую бы я никому не простилъ, ктобъ не въ равныхъ со мною былъ обстоятельствахъ. Нарочно цѣлую недѣлю я отлучался отъ етой деревни, и изготовилъ все, что для моего предпрїятїя нужно было. Вотъ ящикъ, которой имѣетъ два стекла, одно увеличивательное, дру-

гое простое, сквозь нихъ то я намѣренъ великія чудеса надѣлать. Вотъ другія мои вещи, *[указывая на мѣшокъ]* которыя моему желанію способствовать будутъ; а все ето ничто иное, какъ одна невинная шутка употребленная для испытанія простосердечныхъ женщинъ, которыя изъ меня ровно годъ шутку дѣлаютъ, и которыя вѣкъ свой проживъ въ деревнѣ всему вѣрятъ; я увѣрялъ ихъ, что все угадываю; но того не отгадаю, будетъ ли успѣхъ въ ешомъ: однако времени терять не надобно.

[Звонитъ въ колокольчикъ.]

Кто то изъ нихъ войдетъ всѣхъ прежде? А! вотъ пешка, о чемъ та-она спроситъ?

[Сдѣлавъ по воздуху своей палочкой круги и лоетъ на голосъ: Ахъ вздумалъ боровикъ.]

ВОЛШЕБНИКЪ.

Заклинаніямъ внемля,
Растулися ты земля,

Вышли

Вышли черныхъ мнѣ бѣсовъ
Слушать таинственныхъ словъ.
Станьте бѣсы предо мной невидимы здѣсь.

*

ТЕТКА.

Ета шутка не смѣшна,
Я весь годъ была грѣшна,
Отъ бѣсовъ твоихъ трелетать должна.

*

ВОЛШЕБНИКЪ.

Всѣмъ я силамъ залрещу;
И тебя я защищу,
Только ето не забудь,
Естьли скроешь что нибудь,
То разсердишь ты бѣсовъ, и погибнешь вдругъ.

*

ТЕТКА.

Я всю душу отворю,
Знай, любовію горю;
Но любовника при себѣ не зрю.

*

ВОЛШЕБНИКЪ.

Я провѣдалъ отъ духовъ,
Кто любовникъ твой таковъ,
Миловидовъ, онъ ли?

ТЕТКА.

ТЕТКА.

Онъ.

Я ло немъ лускаю стонъ;
Онъ меня обворожилъ и племянницъ
всѣхъ.

ВОЛШЕБНИКЪ.

Ты скажи мнѣ, для чего
Той не выдашь за него,
Изъ троихъ сестръ любитъ онъ кого?

ТЕТКА.

Ни одной не ослѣпленъ,
Онъ во всѣхъ почти влюбленъ;
Я пригожа не стара,
Мужа мнѣ имѣть пора;
Такъ хочу я мимо всѣхъ быть его женой.

ВОЛШЕБНИКЪ.

Любятъ ли сестры его?

ТЕТКА.

Всѣ влюбились три въ него;
Но скажи мнѣ, я выдуль за него?

ВОЛ-

ВОЛШЕБНИКЪ.

Слушай, ежели ты хочешь узнать, выдешь ли ты за Миловидова, такъ должно тебѣ приготовиться къ великому страху.

ТЕТКА.

На все, на все я согласна, толькобъ мнѣ за нимъ быть, и гордымъ своимъ племянницамъ насмѣяться.

ВОЛШЕБНИКЪ.

Такъ ты для того то изъ нихъ ни одной за Миловидова и не выдаешь?

ТЕТКА.

Точно для того.

ВОЛШЕБНИКЪ.

Хорошая вѣсть! Знай же, ты будешь за нимъ, только сядь за етотъ столикъ; наложи ето покрывало на голову, и смотри въ етотъ ящикъ: ты увидишь, каково быть за тѣмъ за мужемъ, кто къ кому несклоненъ; садись, и отнюдь головы не поднимай.

ТЕТ-

ТЕТКА.

Изволь, я на все готова.

[Садится за столъ. Волшебникъ ставитъ предъ ней ящикъ, и открывъ въ немъ увеличивающее стекло, противъ котораго самъ становится, и скинувъ съ себя маску, вынимаетъ куклу, одѣтую въ платье, подобную ей, которую хочетъ проглотить.

ТЕТКА.

[Увидя увеличиваемаго Миловидова и себя въ его рукахъ, ударяется отъ страху объ столъ.]

Ахъ! что я вижу!

ВОЛШЕБНИКЪ.

Ты видишь будущее твое замужство.

ТЕТКА.

[пришедъ въ себя.]

Какъ! меня съѣстъ Миловидовъ? Увы! и я вижу себя въ рукахъ его бездушну!

ВОЛШЕБНИКЪ.

Такъ, онъ самъ въ чудовище превратится,

ся, и ты въ первой день свадьбы жизнь отъ него окончишь.

ТЕТКА.

Ахъ, жестокой человѣкъ! Господинъ Волшебникъ! освободи меня отъ етого явленія! Вонъ, я вижу, онъ въ страшнаго старика превращается, а я погибаю.

ВОЛШЕБНИКЪ.

[Надѣвъ маску, и спрятавъ куклу, поднимаетъ покрывало.]

Ну, хочешь ли за Миловидова?

ТЕТКА.

Нѣтъ, я теперь за него не хочу.

[Поетъ на голосъ: Ни пить, ни ѣсть не хочется.]

Трудно тѣмъ не утѣшатися,
Что прельщало прежде долго насъ,
И того на вѣкъ лишатися,
Мы съ кого своихъ не сводимъ глазъ;
Но когда любовь хлопочится,
Естьли вредно станетъ намъ любить,
Что же дѣлать, хоть не хочется,
Я хочу на вѣкъ его забыть.

ВОЛ-

ВОЛШЕБНИКЪ.

[Отходящей.]

Забудь и выдай ту за Миловидова, которая оракуломъ за него опредѣлена будешъ.

ЯВЛЕНІЕ 5.

ВОЛШЕБНИКЪ *[одинъ.]*

Одну отбилъ отъ себя! будетъ ли удача въ другихъ! молодыя дѣвушки въ любви упрямѣе старыхъ! и ежели подлинно старшія влюблены въ меня, то я не знаю какъ отъ нихъ отдѣлаться; но что дѣлать? приступимъ къ етому опыту.

[Звонитъ, лозади кулисъ слышанъ споръ двухъ сестръ Менилы и Тани, объ говорятъ.]

Нѣтъ, я прежде войду. Нѣтъ я.

ТАНЯ.

Вотъ я здѣсь, отгадывай господинъ Волшебникъ, что мнѣ надобно?

ВОЛ-

ВОЛШЕБНИКЪ.

Женихъ. *[къ сторонѣ]* Эта дѣвушка быстренька. Женихъ, шакъ ли?

ТАНЯ.

[На голосъ: На матушкѣ на Волгѣ.]

Такъ, шакъ: однако послушай:

Пусть любовію сгарая,
Жаръ любви тайтъ другая,
Пусть иной того стыдится,
Что со младостью родится;
У меня въ груди не камень,
Чувствую сердечный пламень;
Я любовію плѣненна;
Ей подвластна вся вселенна.
Но любовію палима,
Я взаимно ли любима,
Или есть меня милѣе!
Отгадай мнѣ то скорѣе.

ВОЛШЕБНИКЪ.

О! ето не трудно отгадать; хотя любезной твой далеко отсюда, но я его призову чрезъ воздухъ, и тебѣ покажу; только не испугайся, ежели онъ за ето разсердится, и

знай, что такъ тому и быть, что ты увидишь; садись за столъ, и смотри въ етотъ ящикъ.

[Онъ ее сажаетъ такъ, какъ тетку сажалъ и открывъ у ящика простое стекло, самъ напротивъ становится.]

ВОЛШЕБНИКЪ.

Ну видишь ли того, о комъ загадываешь?

ТАНЯ.

Ахъ! вижу, вижу, ето Миловидовъ.

ВОЛШЕБНИКЪ.

Не поднимай головы, или совсѣмъ изчезнешь.

[Волшебникъ обращивается слиной показывая свирѣпой видъ.]

ТАНЯ.

Ахъ! но онъ сердится; что ето значитъ?

ВОЛШЕБНИКЪ *[надѣлъ маску.]*

Ето значитъ, что онъ тебя не любитъ, и въ вѣкъ твоимъ не будетъ.

ТА-

ТАНЯ.

Жестокой человѣкъ! какъ я его люблю! Ахъ! жестокой! за кѣмъ же мнѣ быть, развѣ вѣкъ можно въ дѣвкахъ просидѣть?

ВОЛШЕБНИКЪ.

Нѣтъ ты будешь жениха имѣть, смотри въ стекло.

[Надѣваетъ другую маску, изображающую молодаго пригожаго человѣка.]

Вотъ твой женихъ; нравенъ ли етотъ, скажи?

ТАНЯ.

Онъ довольно пригожъ: ну, я и за етова выду, коли за того не льзя.

ВОЛШЕБНИКЪ

[олять свой видъ приняв.]

Погибнешь, ежели за Миловидова за мужъ пожелаешь.

ТАНЯ.

Нуженъ ли Миловидовъ, когда получаю другаго!

Поетъ.

Довольна я и суженымъ,
Гдѣ онъ, гдѣ онъ, сыщи его,
Милъ мнѣ милъ онъ, милѣй всего.

*

Кажися мнѣ мой милой вдругъ:
Гдѣ ты, гдѣ ты, комнѣ слѣши!
Милъ ты, милъ мнѣ, милѣй души!

*

ВОЛШЕБНИКЪ.

Летитъ сюда на крыльяхъ онъ;
Слѣшитъ, слѣшитъ себя казать;
Кто онъ, кто онъ, не льзя сказать.

вмѣстѣ
Что нужды, кто бы ни былъ онъ.
Любовь, любовь, намъ жизнь даетъ,
Для всѣхъ равно вѣнцы плететъ.

*

[Ушла.]

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВОЛШЕБНИКЪ *[одинъ.]*

О! какая вѣтреная дѣвка, ей не любовникъ, а только мужъ надобенъ. Слава богу, что я отъ нее отдѣлался; посмотримъ, что-то съ другими будетъ. *[Звонитъ.]* Навѣрно придетъ Менида; приготовимся.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВОЛШЕБНИКЪ и МЕНИДА.

МЕНИДА.

Не готовила себя,
Что спросить мнѣ у тебя.
Грущу, грущу я всякой часъ; о чемъ, угадай?

ВОЛШЕБНИКЪ

[Взявъ ее за руку.]

Вся въ тебѣ ражженна кровь,
А зажгла ее любовь;
Любовь, любовь тебя томитъ, отъ ней ты грустишь.

МЕНИДА.

Кто зажегъ ее? скажи,
И того мнѣ покажи.

*

ВОЛШЕБНИКЪ.

Смотри, смотри въ мое стекло, его покажу.

[Продолжаетъ.]

Смотри, сударыня, и ни подъ какимъ видомъ не поднимай головы, чтобъ ты не увидѣла. Знай при томъ, что ето явленіе покажетъ всю твою будущую судьбину.

МЕНИДА.

Только бы я увидѣла Миловидова, мнѣ другой никто не надобенъ; ахъ! что я сказала! ошиблась, только бы увидѣть милова.

ВОЛШЕБНИКЪ *[покрывъ ее.]*

Примѣчай, увидишь ли что нибудь?

[Скрывается на другой сторонѣ стола, такъ что никого не видно; по томъ показываетъ Лизинъ портретъ.]

МЕНИДА.

Нѣтъ, ничего не вижу.

ВОЛ-

ВОЛШЕБНИКЪ.

Ничего ?

МЕНИДА.

Ничего не вижу. АхЪ! ето знакомое лицо! ето портретЪ ЛизинЪ, такЪ ее: все пропало, знать вѣкЪ мнѣ за мужемЪ не бывать.

ВОЛШЕБНИКЪ

[Вставъ и ее открывъ.]

ВотЪ вся твоя судьбина, тебѣ не скоро быть замужемЪ; а должна ты думать о замужествѣ сестры своей Лизы; и знай, что, не выдавЪ ее, ты въ вѣкЪ останешься въ дѣвкахЪ. За ее портретомЪ видѣлЪ я скрытаго мущину, которой тебѣ назначенЪ женихомЪ; но ето не МиловидовЪ былЪ.

МЕНИДА.

Что дѣлать; надобно судьбинѣ повиноваться.

[вставъ.]

[На голосъ: Кабы знала, кабы вѣдала]
Отлетай на вѣкъ моя надежда прочь,
Больше лѣнна сердца больше не хочь;

Изчезай любовной жаръ въ моей крови,
Не твердите мысли больше о любви;
Щастье лусть найдетъ въ любви сестра моя;
Остаюся вѣчно, вѣчно въ дѣвкахъ я.
Отъ любовныхъ узъ во вѣки не вздохну,
Лягу лоздо въ вечеру, сладко засну,
Рано пробудясь я слезъ не буду лить,
День весь всемъ себя я стану веселить.

*

Какъ я рада, что не тешкѣ и не Танѣ Миловидовъ достанется, а Лизѣ! ахъ какъ она ешому обрадуешся, пойду увѣдомлю ее.

ВОЛШЕБНИКЪ.

Нѣтъ, ничего не говори, время еще не пришло: надобно ее увидѣть; пошли ее сюда.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ВОЛШЕБНИКЪ *[одинъ.]*

Дѣло мое идетъ на ладъ; только надобно знать, любитъ ли меня Лиза, хотя они ето говорятъ; но должно отъ ней услышать. Вотъ она! ета колдунья опаснѣе моего волшебства! посмотримъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ВОЛШЕБНИКЪ и ЛИЗА.

ВОЛШЕБНИКЪ.

Лиза, такъ ли васъ называютъ, сударыня?

ЛИЗА.

Такъ сударь, видно что вы великой колдунъ, что вы по лицу узнаёте, какъ меня зовутъ. Ну! что же вы еще узнать можете?

ВОЛШЕБНИКЪ.

То, что вы кого нибудь любите.

ЛИЗА.

Я люблю тетку, и сестрицъ моихъ.

ВОЛШЕБНИКЪ.

И больше ни кого?

ЛИЗА.

Никого.

ВОЛШЕБНИКЪ.

Ахъ! притворщица, еще ты любишь кого-то.

ЛИЗА.

Что вамъ до того дѣла, люблю ли, или нѣтъ?

ВОЛШЕБНИКЪ.

Посмотри мнѣ въ глаза попристальнѣе.

ЛИЗА.

Нѣтъ сударь, вы все узнаете, такъ я отъ иного закраснѣюсь.

ВОЛШЕБНИКЪ.

[На голосъ: Я калинушку ломала.]

Не стыдись пріятной страсти,
Сердце не во власти;

Вѣт-

Вѣчно жить не льзя въ свободѣ,
Слѣдуй ты природѣ;
Будь любови ты подвластна,
Будешь въ вѣкъ прекрасна,
Будешь вдвое ты пригоже;
Веселѣй, моложе.

*

ЛИЗА.

Естьли въ я кого любила,
Я бы не таила,
И томуъ открылась ясно,
Кѣмъ плѣнилась страстно.
Не могу тобой плѣняться.
Передъ кѣмъ признаться.

*

ВОЛШЕБНИКЪ.

Миловидовъ вдругъ явится,
Ето можетъ збыться,
Что ему тогда ты скажешь?

*

ЛИЗА.

Коль его покажешь,
Я тогда ему признаюсь,
Что я имъ плѣняюсь.

*

ВОЛШЕБНИКЪ.

[Снявъ маску и епанчу, бросается на колѣни.]

Признайся же, сударыня, ето я.

ЛИЗА.

Ахъ! кого я вижу! полно господинъ Волшебникъ, ты какой нибудь оборотень. Нѣтъ, ты не Миловидовъ.

ВОЛШЕБНИКЪ.

Ето я, ето я, сударыня, а для васъ все ето дѣлалъ, что вы ни видите; я для васъ шелъ на всѣ опасности, и хотѣлъ узнать, любите ли вы меня?

ЛИЗА.

Не сдѣлаешся ли ты опять колдуномъ, я ихъ право боюсь.

ВОЛШЕБНИКЪ.

Я и не былъ колдуномъ, нарядъ одинъ меня такимъ сдѣлалъ, и я точно Миловидовъ, прости мнѣ ету хитрость.

ЛИ-

ЛИЗА.

Ну, инъ я тебя люблю.

ВОЛШЕБНИКЪ.

Все мое благополучїе совершилось, только не сказывайте объ етомъ никому. А вотъ что вамъ сдѣлать должно: я теперь отъ васъ на минуту скроюсь, и опять сюда возвращусь въ моемъ собственномъ видѣ. Будтобы я изъ города пріѣхалъ, и ничего о вашей ворожбѣ не знаю; я подарю вамъ всѣмъ по одной табакеркѣ, но въ той, которую вы получите, будетъ закрытъ вашъ портретъ: и когда вы его покажете, то дѣло ваше исполнится.

ВОЛШЕБНИКЪ.

[На голосъ: Земляничка ягодка.]

Естьли я тобой любимъ,
Буду я во вѣкъ твоимъ;
Вѣрь, Лиза, вѣрь ты мнѣ.
Буду я во вѣкъ твоимъ.

ЛИ-

ЛИЗА.

Я хочу твоею быть,
И во вѣкъ тебя любить.
Вѣрь мнѣ, ты вѣрь мнѣ въ томъ.
Я хочу твоею быть.

ОБА.

Къ сопряженію сердецъ.
Намъ любовь подаетъ вѣнецъ,

Лиза. *Ты мой, а я твоя.*
Волшебникъ. *Я твой а ты моя.*
Будемъ щастливы во вѣкъ.

Вмѣстѣ *О дражайшій въ жизни часъ!*
Наступай скорѣй для насъ,
Мы вѣрны будемъ въ вѣкъ.
Есть ли кто щастливѣй насъ?

ВОЛШЕБНИКЪ.

Теперь прости, любезная Лиза, я скоро къ тебѣ возвращусь: возьми етотъ колокольчикъ, и когда я удалюсь, созови свою семью, скажи имъ, что Волшебникъ вдругъ изчезъ, и оставилъ только ету бумажку, ко-

которая лежитъ на столѣ, скажи, что ето вашъ будетъ Оракулъ; ну, прости, я уйду этими потаенными дверьми, что бы ни съ кѣмъ не встрѣтишься.

ЛИЗА.

Тутъ никого нѣтъ; прости, являйся скорѣе, любезной Волшебникъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

ЛИЗА *[одна.]*

Вижу, вижу ло всему,
Что и я мила ему;
Что словами онъ сказалъ,
То мнѣ взоръ его казалъ.
Миловидовъ, лолюбя,
Жизнь мнѣ отдалъ и себя.
Какъ мнѣ сердца ложалѣть,
И въ любови не горѣть!
Однако лора всѣхъ созывать:

[Звонитъ въ колокольчикъ.]

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТЕТКА и ВСѢ СЕСТРЫ.

ТЕТКА.

Что сдѣлалось съ тобой?

ТАНЯ.

Кого ты видѣла?

МЕНИДА.

Гдѣ дѣлся колдунъ?

ЛИЗА.

Колдунъ нашъ вдругъ пропалъ. Ахъ! сестрицы, какой же ето страхъ былъ тогда, какъ онъ со мною говорилъ; вдругъ онъ вскричалъ, пора мнѣ въ морскую область; весь онъ задрожалъ, сдѣлался громъ и вся комната наполнилась дымомъ, я почти была безъ памяти, и наконецъ не взвидѣла колдуна; онъ исчезъ, и оставилъ только етотъ колокольчикъ, да на столѣ бумажку.

ТЕТКА.

Какъ же мы етого не слыхали, и гостя ни съ чѣмъ отпустили?

ТА-

ТАНЯ.

Посмотримъ, что за бумажки?

ВСѢ ВМѢСТѢ.

Посмотримъ!

МЕНИДА *[читаетъ.]*

Миловидовъ здѣсь тотъ часъ явится,
И на той ему женится,
Кто изъ дѣвушекъ найдетъ
При подаркѣ свой портретъ,
Естьлижъ въ томъ не согласитесь,
Всѣ вы прахомъ обратитесь.

ВСѢ.

Всѣ, всѣ мы на ето согласны.

ТАНЯ.

Но кто ето входитъ?

ВСѢ.

Ахъ! Миловидовъ, откуда ты взялся?

Р ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ XII.

МИЛОВИДОВЪ.

Я сей часъ изъ города, и радъ, что васъ всѣхъ опять вижу.

ТЕТКА.

Не мечталось ли тебѣ что нибудь на дорогѣ?

МИЛОВИДОВЪ.

Мнѣ не знаю отъ чего то все было тошно, и такое забвеніе на меня пришло, что я самъ себя не помнилъ.

ТЕТКА *[тихо.]*

Ха! ха! ха! ето отъ колдованья; однако молчите.

МЕНИДА.

Но скоро я чаю будетъ не тошно.

МИЛОВИДОВЪ.

Позвольте, сударыня, мнѣ вамъ поднесть по городскому гостинцу, которой отъ усердія моего происходитъ.

[онъ подноситъ имъ по табакеркѣ каждой]

ТЕТ-

ТЕТКА.

Ето нашъ оракулъ.

МЕНИДА.

У кого портретъ?

ТАНЯ.

Онъ у Лизы.

ЛИЗА.

У меня, и ето мой портретъ!

МЕНИДА.

Самой тотъ, которой я видѣла сквозь стекло.

ТЕТКА.

Ну, оракулъ рѣшился, спорить не льзя. Господинъ Миловидовъ, хотите ли на моей племянницѣ Лизѣ жениться?

МИЛОВИДОВЪ.

Одного етого я и желаю.

ТЕТКА.

Ты Лиза хочешь ли за него?

ЛИЗА.

Онъ мнѣ не противенъ.

ТЕТКА *[Менидѣ и Танѣ.]*

Вы согласны ли сестру ему уступить?

ТАНЯ.

Что мнѣ нужды? у меня будетъ свой женихъ.

МЕНИДА.

А я въ вѣкъ останусь въ дѣвкахъ, и буду жить съ Лизою.

ТЕТКА.

Будьте же вы благополучны; а я оставя прежнія мысли всѣми вами буду радоваться; теперь осталось намъ весельемъ увѣнчать общее желаніе.

ТЕТКА.

[На голосъ: Ахъ матушка тошненько.]

Пусть тѣмъ любовь вѣнцы плететъ,
Кто въ младости красой цвѣтетъ;
Кто любитъ самъ, кто милъ кому;
Я склонности къ любви уйму.
Отъ васъ отъ двухъ хочу того.

МИЛОВИДОВУ. ЛИЗѢ.

Люби ее. Люби его.

ЛИЗА.

ЛИЗА.

Ежели вы приказываете сударыня, то какъ мнѣ не полюбить того, кого я полюбить готова?

[На голосъ: Въ селѣ было Покровскомъ.]

Сердце я ему вручаю,
Сердце душу и себя.
Жизнь свою я жизнь скончаю,
Миловидова любя.

МИЛОВИДОВЪ.

Твоимъ плѣнникомъ быть вѣчно,
Вѣкъ у ногъ твоихъ лежать,
И любить тебя сердечно,
Я клянусь и обожать.

ЛИЗА.

Для меня ты въ свѣтъ родился;
Для тебя родилась я.

МИЛОВИДОВЪ.

Весь тебѣ я покорился,
Вся въ тебѣ душа моя.

[Вмѣстѣ.]

И меня своей ты числи,
Сѣдиняя наши дни.

Воля въ насъ душа и мысли
Будутъ и сердца одни.

МИЛОВИДОВЪ.

Такъ сударыня! васъ однимъ утѣшеніемъ поставлять въ моей жизни клянусь всѣмъ симъ освященіемъ.

МЕНИДА.

Любовь не нужна,
Коль судьба положена,
Съ тѣмъ во вѣкъ не быть,
Кто привыкъ кого любить.
Хочу, чтобъ мой вѣкъ
Безмятежно весь протекъ,
Другомъ съ вами быть,
Слабости свои забыть,
Вотъ чего хочу;
Щастье въ томъ я получу,
Лизу я полюблю,
Съ нею жизнь я раздѣлю.

Ежели моя сестра Лиза будетъ щастлива, то какъ я могу быть нещастна?

ТА-

ТАНЯ.

[На голосъ: Пошла наша Параня.]

У меня въ умѣ другое,
Не хочу я жить въ локоѣ,
Хочу! хочу я любезнаго имѣть!
Много есть цвѣточковъ въ полѣ,
Жениховъ еще и болѣ.
Хочу! хочу я сама цвѣтокъ имѣть.

*

Я ничѣмъ сестры не хуже,
Какъ не думать мнѣ о мужѣ?
Хочу! хочу мужа я сама имѣть.

ТАНЯ.

Мнѣ коли колдунъ не солгалъ, то мое желанїе скоро исполнится, а по тому что сестрино исполнилось, то я часъ отъ часу становлюсь нетерпѣливѣе.

ХОРЪ.

[На голосъ: Ахъ! по мосту мосту.]

Тѣ одни благополучны,
Тѣ, которые любя
Другъ со другомъ не разлучны,
Видятъ щастливыхъ себя.

ТЕТКА.

Наша младость скоро вянетъ,
Хладъ раждается въ крови;
Дней зима когда настанетъ,
Поздо мыслить о любви.

ХОРЪ.

Тѣ одни благополучны, и проч.

МЕНИДА.

Коль судьба велитъ лишаться
Намъ любовниковъ своихъ;
Тѣмъ осталось утѣшаться,
Что въ локоѣ видимъ ихъ.

ХОРЪ.

Тѣ одни благополучны, и проч.

ТАНЯ.

Я судьбину бы винила,
Съ милымъ разлучась моимъ,
Естьли бы не замѣнила
Мнѣ она его другимъ.

ХОРЪ.

Тѣ одни благополучны, и проч.

ЛИЗА.

ЛИЗА.

Тотъ находитъ въ жизни сладость;
Все такого веселитъ;
Тотъ узнаетъ прямо радость,
Сердце съ милымъ кто дѣлитъ.

ХОРЪ.

Тѣ одни благополучны и проч.

МИЛОВИДОВЪ.

Не любилъ кто въ жизни страстно,
И любимымъ не бывалъ,
Кто бы ни былъ, тотъ напрасно
Быть щастливымъ уповалъ.

ВСѢ.

Тѣ одни благополучны, и проч.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стра.
Альцеста - - - - -	3
Цефалъ и Прокрисъ -	41
Новыя Лавры -	85
Прибѣжище Добродѣтели -	99
Деревенскій Праздникъ -	135
Пигмалїонъ или Сила Любви	173
Любовникъ Колдунъ -	215

Ленинград... Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

59544

~~99034~~